

The background of the cover is a detailed illustration of a Roman legion in the middle of a battle. In the foreground, a soldier in a red tunic and a golden helmet with a plume is crouching, holding a red shield with a blue and black design. Behind him, a man in a white tunic and a spear is pushing forward. The rest of the legion is composed of soldiers in red tunics and golden helmets, holding spears and shields, creating a sense of a large, organized military force.

Александр Прозоров
Алексей Живой

ЛЕГИОН

Рим должен пасть

Александр Дмитриевич Прозоров
Алексей Живой

Рим должен пасть

Серия «Легион», книга 1

Текст предоставлен изд-вом
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163340
Легион. Рим должен пасть.: Лениздат; СПб; 2007
ISBN 5-289-02537-5

Аннотация

Два только что демобилизованных морских пехотинца Федор Чайка и Леха Ларин отправляются на морскую рыбалку в Черное море. Друзья попадают в сильный шторм, который уносит их далеко от берега. Спасшись, они обнаруживают, что «провалились» во времени. На дворе 219 год до Р.Х. Один год до начала Второй Пунической войны. Самой грандиозной войны за будущее античного мира между супердержавой Карфагена и молодым римским хищником.

Попав в самую гущу событий, друзья принимают непосредственное участие в войне, перед которой меркнет даже осада Трои. От исхода этой схватки будет зависеть не только судьба государств по берегам Средиземного моря, но и судьба всего, еще не родившегося мира.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	32
Глава третья	52
Глава четвертая	73
Глава пятая	91
Глава шестая	113
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Александр Проzorов, Алексей Живой Рим должен пасть

Пролог

Лучи предзакатного солнца освещали каменную площадку, в центре которой возвышался жертвенный алтарь. Жар понемногу спадал, но камни алтаря еще хранили накопленное за день тепло. Никого из жрецов не было у святилища Баал-Хамона, воздвигнутого на самом высоком холме острова, похожего на вытянутую чашу. Лишь высокий черно-волосый мужчина в богато изукрашенных доспехах, со шрамом на щеке, наблюдал, сложив на груди руки, как военный флот огибает «края чаши», заходя между островом и побережьем материка в хорошо защищенную гавань. Попутный ветер раздувал паруса грозных квинкерем, вытянутые обводы которых венчали загнутые вверх хвосты мифических животных, а высокие мачты – штандарты с изображениями диска и полумесяца. Хищные носы кораблей вспарывали морские волны, скрывая под белыми бурунами жала своих смертоносных таранов.

Во взгляде военачальника сквозила гордость за собствен-

ный флот. Но к ней примешивалась и тихая скорбь, незаметная, впрочем, со стороны, хотя мужчина и не пытался скрыть своих чувств. Ведь рядом с ним сейчас никого не было, кроме очень похожего на него, черноволосого же, девятилетнего мальчика, одетого в белую тунику. Телохранители остались за пределами святилища, не смея нарушать уединение Гамилькара и его сына. Ведь они беседовали с богами.

Мальчик молчал, взирая вместе с отцом на приближавшийся к берегу флот, потрясавший своей мощью. Гамилькар Барка, между тем, перевел взгляд с бухты на море, простиравшееся вокруг острова на сколько хватало глаз. Там, в направлении к Мелькартовым столбам¹, за которые уже не раз проникали смелые финикийцы, виднелись десятки высоких мачт и яркие пятна парусов. Из Африки продолжали прибывать все новые корабли, перевозившие солдат и осадную технику. На подходе был второй флот – тридцать квинкерем и два десятка трирем, а кроме них около дюжины больших торговых судов, переправлявших из Карфагена в Гадес, где Гамилькар собирал сейчас свои силы, необходимые припасы для армии вторжения. Завтра придет и третий флот под началом Гасдрубала. С ним придут боевые слоны из самого сердца Африки – наступательная мощь Карфагена, перед которой не устоять никому. Когда все эти силы окажутся здесь,

¹ Так финикийцы называли Гибралтар. Мелькарт – бог, покровитель Тира, столицы финикийской метрополии. Почитался и в Карфагене, основанном выходцами из Тира.

можно будет начинать наступление вглубь испанских земель.

Гамилькар довольно улыбнулся, предвкушая грядущие битвы, но его мысли вновь омрачились воспоминаниями. Богатства глубинных земель Испании, на чьем побережье уже расположилось несколько торговых факторий Карфагена, должны были возместить его стране недавнюю потерю Сицилии, за которую он воевал с вероломными римлянами пять лет, добился больших побед и пролил немало крови. Он почти победил. И если бы не затяжные дебаты этих умников в сенате во главе с Ганноном (именно из-за них помощь пришла так поздно), то не случилось бы и позорной капитуляции. А за это время римляне успели построить новый флот и отрезать его армию от близкой Африки. И, несмотря на терпимые условия сдачи, с немалым трудом выторгованные им, поражение бросило тень не только на самого Гамилькара, но и на всю его семью, покрывшую себя славой многих побед.

Правда, ему не в чем себя упрекнуть — он воевал честно. Не без его стараний война, длившаяся двадцать четыре года, принесла громадный урон Риму — лишила его нескольких сухопутных армий и сотен боевых кораблей. Однако, и для Карфагена она не прошла даром. Погибли тысячи опытных воинов, а лучший из флотов обитаемого моря оказался почти уничтожен. Грозная держава финикийцев ослабла. И самое ужасное—в этой войне карфагеняне окончательно потеряли Сицилию, за которую три века ожесточенно бились с греками, постоянно расширяя свои владения на этом благо-

датном острове. А вскоре лишились и Сардинии с Корсикой. Это был жестокий удар. Но Гамилькар Барка не привык полагаться только на милость судьбы, в этот раз отвернувшейся от Карфагена. Он всегда шел до конца. И всегда искал способ ответить своим врагам. И вот теперь, спустя всего четыре года после позорной капитуляции, он здесь, на берегу Испании, призванной возместить все потери. Флот возродится – финикийцы лучшие корабли, а денег у Карфагена достаточно. Пусть город и обязан выплатить Риму контрибуцию в три тысячи двести золотых талантов² за десять лет. Карфаген все равно наберет новую армию и сполна вернет Риму долги. Все долги!

Гамилькар снова повернулся в сторону гористого полуострова, быстро накрываемого сумерками. Испания богата. Купцы всегда возвращались отсюда домой с трюмами, заполненными иберийским серебром и золотом. Но куда важнее была железная руда, а также бесчисленные стада быков и табуны коней. Плодородные равнины, дающие обильные всходы.

И, конечно, сами жители этой страны – кельты, как называли их греки. Они воинственны и горды. Это настоящие бойцы, мало ценящие жизнь и живущие лишь ради войны. Кельты никого не боятся и всегда готовы сложить свои головы в бою. Они умеют уважать достойных врагов. Если их

² 3200 золотых талантов в современном эквиваленте – примерно 95 миллионов долларов.

покорить, а затем дать проявить свою доблесть на поле брани, то не будет лучших воинов в новой армии Карфагена.

Конечно, есть и другие богатые земли. Смелые купцы, рискнувшие заплывать за Мелькартовы столбы, несколько раз уходили за край Африки и отыскивали там несметные сокровища. Об этих походах на родине слагались легенды. Тех, кому бессмертные боги Карфагена позволяли возвратиться живыми, народ считал героями. Увы, рассказы моряков слишком походили на выдумки. Легенды могут оказаться всего лишь легендами. А Гамилькар привык твердо стоять на ногах. По эту сторону пролива бывал не раз и знал, что нет лучшего способа возродить ослабленный Карфаген, чем покорить здешние плодородные земли.

Гамилькар обернулся к сыну и положил ему руку на плечо. Мальчик вопросительно посмотрел в глаза отцу. В его взгляде читалось восхищение и безграничная преданность. Гамилькар давно заметил, что из трех его сыновей этот – самый резвый. Смышлен не по годам и постоянно рвется в бой вместе с ним. И если бы не молодость, давно управлялся бы с мечом не хуже него самого. Лучшего сына полководцу нельзя было и желать.

– Через несколько дней, Ганнибал, я двинусь с армией вглубь полуострова и завоюю для нашей родины всю Испанию. И тогда никто больше не сможет упрекнуть меня в том, что я не помог Карфагену в трудный час. Я обещаю тебе это. Ганнибал кивнул. Он знал, отец выполнит задуманное.

– Но это может занять много лет. Кто знает, что за такое время случиться со мною, – Гамилькар замолчал, обдумывая следующие слова. Но его молчание длилось недолго.

– И потому я хочу, чтобы ты, мой сын, – он заговорил снова, пристально глядя прямо в глаза мальчику, – поклялся перед алтарем нашего бога в том, что, если я не успею вернуть долг ненавистному Риму, растоптавшему мою честь, вместо меня это сделаешь ты.

Гамилькар с силой сжал плечо мальчика.

– Поклянись, что ты пронесешь ненависть к Риму через всю свою жизнь и восстановишь величие Карфагена, славной державы наших предков!

Мальчик бросил взгляд на священный алтарь Баал-Хамона, венчавший гору, и произнес твердым голосом.

– Я клянусь, отец.

Часть первая

Северные варвары

*Altera pars*³

Глава первая

Где мы – там победа!

Бесцеремонно открыв дверь в купе левой рукой, поскольку в правой он держал бутылку пива, Леха увидел за столиком двух девушек субтильного возраста, методично потреблявших йогурты большими ложками. Две верхние полки были завалены сумками, людей там не наблюдалось.

– Привет, девчонки, – обратился он сразу к обеим, хотя и без особой надежды, – открывашки не найдется?

Девушки, заметив в дверном проеме здоровенного парня в черной военной форме, открывавшей на груди тельняшку, и лихо заломленным назад вороним беретом с красным треугольным флажком, насторожились.

– А что, – робко осведомилась первая, блондинка в джинсах и розовой кофточке, покосившись на бутылку пива и

³ Другая сторона.

убирая сумку подальше, – сегодня день десантника?

В ее глазах появился легкий испуг.

– Деревня, – обиделся Леха, – морпеха от десантника отличить не можешь. Да и праздник у нас в ноябре.

– Но вы же солдат? – с умным видом вступила в разговор вторая, с длинными каштановыми волосами и в узких «учительских» очках. На ней было летнее красное платье, вполне подстать стоявшей на улице жаре. Август в этом году выдался на редкость душным.

Леха на секунду задумался, стоит ли объяснять этим пэт-эушницам солдат он или матрос, ведь открывашки все равно вряд ли дождется. Решил не объяснять, тем более, что, в сущности, он уже не был ни тем, ни другим. Скоро минет день, как Леха чувствовал себя счастливым дембелем, перемещавшимся по железной дороге от Севастополя к совсем близкому дому в городке Туапсе, вальяжно раскинувшемуся на берегу Черного моря. Ехать оставалось всего часа три, но духотища в вагоне царила страшная, хотелось освежиться. И на только что оставшейся позади станции, где он выходил звякнуть из автомата родителям, предупредить счастливых, чтоб стол готовили, морпех заодно прикупил бутылочку «Балтики» в довольно холодной консистенции.

Окинув любительниц йогуртов снисходительным взглядом, Леха Ларин уже собрался покинуть купе, как вдруг блондинка в джинсах, видимо, решив, что Лехе можно доверять, извлекла из своей сумочки миниатюрную открывашку.

– Вот, возьмите, – протянула она ему заветный предмет, – только не забудьте вернуть.

– Матрос ребенка не обидит, – радостно откликнулся Ле-ха, окончательно запутав представительниц прекрасного пола в собственной военной принадлежности, и тут же откупорил бутылку.

Пробка с легким пшиком отделилась от горлышка. В ноздри ударил приятный аромат солода. Леха вернул открывашку, и вышел из купе, подмигнув на прощанье покрасневшим девчонкам, и подумав «Эх, жаль молодые еще, а то я бы за ними приударил».

По дороге в свое купе, расположенное в другом конце вагона, прикладываясь на ходу к горлышку, он все высматривал за кем бы приударить, но так и не найдя подходящей кандидатуры, направился к себе, решив, что еще успеет. Вся жизнь впереди.

Домой он возвращался не один, а с однокашником из Питера, таким же дембелем, которого уговорил заехать к себе в гости на пару дней. Все равно служба закончилась, торопиться больше некуда. А тут лето катится к закату, бархатный сезон на носу. Дом почти рядом, а там – обрадованные до чертиков родители и лодка с парусом. Можно и на морскую рыбалку сходить.

На это Федор и купился. Он любил рыбачить, но все больше баловался блесной на речках и озерах недосягаемого для Лехи Карельского перешейка. В Черное море удочку не за-

кидывал ни разу, несмотря на то, что последнюю пару лет здесь и провел. В составе отдельного полка морской пехоты черноморского флота России. Полк все еще базировался в Севастополе, окруженном со всех сторон самостийным населением, мечтавшим приватизировать его корабли и маяки под собственные нужды.

Однако, Севастополь не сдавался. А на полигоне в районе Казачьей бухты даже (и довольно регулярно) проводились учения российской армии с применением бронетехники, вызывавшие глухое недовольство у окопавшихся неподалеку миротворцев из НАТО. Миротворцы с удивлением отмечали, что лишенная всякой поддержки и окруженная иностранным легионом российская часть почему-то еще барахтается. И более того, вполне боеспособна. Им никак не приходило в голову, что самое секретное оружие этой армии – русский солдат, который может воевать, даже если месяц почти не ест. Ну, а уж если что съел, то его вообще никто не победит.

Леха поесть любил. И выпить тоже. Собственно, открывашка ему была и не нужна. Пробку Леха мог спокойно открыть об ремень, об стол или просто зубами. Не раз поделывал такой трюк – зубы у него, слава богу и родителям, были что надо. Проволоку мог перегрызть на зависть обладателям многочисленных кариесов. Но Федор – интеллигент, елыпалы, питерский, нормально вскрыть «Балтику» не дал. Он утверждал, что пиво тоже надо пить культурно, а не стучать

бутылкой об стену купе или оставлять зазубрины на краю стола, как все нормальные граждане. А потому – иди, ищи открывашку.

Ну, Леха и пошел по доброте душевной. Хотя ведь уже с утра мог по закону послать сержанта подальше, не указ он ему больше. Но...пошел. Кореш ведь, как никак, хотя и сильно культурный для армии. Мать Лехина, бывшая учительница русского языка из Воронежа, которой он в письмах рассказывал про своего больного на голову друга, все время того нахваливала и ставила в пример. А сына родительские предпочтения не вдохновляли. Он совершенно искренне не понимал, как это можно в свободное от службы время вместо того, чтобы естество ублажать, погружаться в медицинский справочник, где, прости господи, и по-русски то ничего нет, сплошная латынь. Но мать почему-то полагала иначе и устремления друга только приветствовала, хотя ни разу в жизни его не видела. Может, надеялась, что и сын ее за наукой потянется. Леха поначалу даже обижался – он-то вообще читать не любил, это занятие было для него пустой тратой времени – но мать уважал, а потому как-то привык считать, что сержант умнее. Тем более, что по армейским законам так оно и выходило.

В целом же Леха любое начальство не одобрял и руководствовался исключительно порывами взлелеянного с младенчества гонора, а потому хоть книжками и не баловался, но все равно ощущал себя не глупее остальных. Именно из-за

такого вот паскудного свойства своего характера он немало суток сиживал на губе вместо того, чтобы доблестно служить Родине. И на базе, и на корабле. Слишком уж часто хамил офицерам, а они, понятное дело, такого анархизма не одобряли. Один раз капитан чуть даже не сорвался на рукоприкладство – не понравилось ему, что Леха не по уставу ответил. Но обошлось.

Успокоился Леха только к середине службы, да и то после того, как попал под начало Федора. Поразил тот его странными словами и не менее странными ругательствами. Однажды, когда сержант обозвал его «верным опционом», Леха даже не понял: отстегали его или похвалили. И от подобных командирских выражений, совершенно несовместимых с лехиными представлениями о загибах и приколах, он часто стал впадать в задумчивость и даже перестал хамить офицерам. Что сразу же сказалось на общих показателях взвода по боевой подготовке и особенно дисциплине. Взвод и так был не из отстающих, а тут вообще вперед вышел. Леха ведь стрелял и бился в рукопашную лучше всех остальных бойцов. Оттого и ходил гоголем.

Собственно, Федор Чайка по всем армейским понятиям был немного странным сержантом. Сразу же после учебки его невообразимым приказом свыше (в армии еще и не такое бывает!) временно откомандировали медбратом в санчасть. Место, безусловно, хлебное. Если служить неохота и пораскинуть мозгами, как следует, то можно там и до конца служ-

бы зависнуть. Федор же, наоборот, приложив массу усилий, добился-таки перевода в боевое подразделение, а приобретенный санитарный опыт при случае всегда с удовольствием использовал. Например, когда Петруха Черный при десантировании с корабля сломал себе ногу, он весьма сноровисто помогал капитану Пантелееву обрабатывать рану и накладывать шины. Видимо, полученные в медбратстве навыки неплохо закрепились.

Сам Леха до армии болел редко – природа наградила его отменным здоровьем – а потому того, что имелось из средств спасения страждущих в армейской санчасти, в упор не видел. Да и к слову сказать, там от всех напастей применяли в основном бинты и зеленку. Где-то нагноилось – зеленка. Руку вывихнул на тренировке – бинты. Физиономию перекосило – зеленка. Горло застудил – бинты. Иногда медикаменты сочетались – бинты плюс зеленка, но общий список никогда не менялся. Леху это не напрягало. Солдат должен быть здоровым, болеть ему просто некогда. Надо Родину защищать.

По прошествии времени Леха узнал, кто у сержанта родители, и все стало ясно. Папа Федора – не последний хирург в Питере – ежедневно оперировал людей в каком-то медицинском институте. Лехе такое умение казалось чем-то запредельным. Он больше был специалистом по другому профилю – челюсть кому-нибудь сломать или ребро, например. А вот чтобы потом все это выправить и на место пришить, что отвалилось – тут мозг должен иначе соображать. Сер-

жант же в этом шарил, отчего среди бойцов заработал законную кличку «доктор», хотя сам еще почти никого и не пользовал. Но по большому-то счету он питал несомненное приращение к истории, а отнюдь не медицине, о чем недвусмысленное свидетельствовали книги, прочитываемые им от корки до корки.

Мать у Федора работала терапевтом в поликлинике. Ясное дело, что при таком семейном воспитании Федор в детстве только и знал, что по больницам ошиваться, рассматривая градусники да мензурки со скальпелями. Оттого, видать, и к латыни попривык, поскольку под боком у родителей часто ее слышал.

Вообще, Леха понял из рассказов своего кореша, что родители у него были интеллигентные и хотели, чтобы их сын, до армии склонный к чтению в положении лежа, тоже стал доктором. Сам Федор еще не определился, кем будет, но поневоле опыта набирался. Ну, а как в армию попал – пришлось и про лень забыть, и физподготовкой заняться. Подкачался, драться научился. Потом скоренько свернул свое медбратство и даже был направлен в школу младших командиров. И получился из него неплохой сержант морской пехоты. Тем более, что Федор отлично плавал. Почти так же хорошо, как Леха стрелял и метелил условного противника. А может, и лучше.

В общем, попав под начало к Федору Чайке, бузотер Леха Ларин как-то незаметно для себя проникся к нему уважени-

ем. Со временем они даже подружились, несмотря на полную противоположность характеров. А под конец службы Федор вообще умудрился Лехе жизнь спасти.

Дело было на командно-штабных учениях, когда нужно было продемонстрировать проверяющим из штаба, что отдельный полк морской пехоты черноморского флота не зря ест тушенку. По легенде предстояло высадиться на БТРах с корабля, достичь берега, подавить огневые точки и обезвредить живую силу условного противника. Все казалось яснее ясного. Леха не сомневался, что операция пройдет гладко и даже весело. Он любил маневры. Но в этот раз все случилось как-то не так.

Едва начались учения, море стало штормить. Их БТР замыкал группу и, едва выйдя на плав из твиндека большого десантного корабля, как и остальные, столкнулся с лобовой волной. Не прошло и минуты, как у родного бронетранспортера сорвало крышки в силовом отделении. И боевая машина мгновенно заглохла. Стала погружаться кормой вниз, задрав свой прямоугольный заостренный нос над водой, словно большой бронированный гроб. А до берега оставалось еще прилично. И тогда Федор рявкнул во весь голос, чтобы личный состав немедленно покинул машину через люк механика. А сам помогал растерявшимся, сопротивляясь быстро прибывающей воде, пока все не выбрались. Да еще и, под занавес, вытащил Леху, умудрившегося, головой долбануться о край люка пока выкарабкивался и сознание потерять.

Правда, ненадолго. Но, не оказавшись рядом сержанта, ему бы хватило.

Однако, морской дьявол решил, что еще рано их отпускать. Не наигрался. Едва выбрались с матюгами наружу, их чуть в открытое море не унесло. Волна хорошая разгулялась. Старались за руки держаться, вместе – бесполезно. Расшвыряло как котят. А Федор плавал вокруг и одного за другим на поверхность вытаскивал, до тех пор, пока помощь не подошла и до берега не доволокла. И там уже Леха, очухавшись, ухитрился даже отличиться в бою с условным противником. Так старался, что первым взял огневую точку. И еще успел вытащить капитана, едва не угодившего под гусеницы самоходной гаубицы с романтическим названием «Гвоздика».

В общем, испытание на прочность прошли. БТР утопили, нахлебались воды, конечно, но еще и пострелять успели. Так что начальство осталось довольно героизмом морпехов, и всем объявили благодарность в приказе. А сержанту-герою за спасение утопающих даже расщедрились на досрочный дембель. И Леху не забыли, тоже отметили в первых строках, не смотря на все его прежние прегрешения. Капитан нормальный мужик оказался. Добро не забыл.

Войдя в купе, Леха плюхнулся на нижнюю полку, оттягивая пальцем край тельняшки.

– Ну и жара, – процедил он, глядя в приоткрытое окно, за которым мелькали родные пейзажи: горы, покрытые чахлой растительностью.

Сделав пару глотков, он протянул бутылку с пивом сидевшему напротив Федору, одетому также по форме и по обыкновению что-то читавшему. Леха присмотрелся. «Записки о галльской войне» (?). Автор какой-то Цезарь.

– На, сержант, освежись пока этим, – сказал Леха, – брось глаза напрягать.

Он вздохнул и добавил, предвкушая грядущие удовольствия:

– Скоро дома будем. Там и оттянемся по полной.

Федор отложил книжку в сторону, взял протянутую бутылку и с недоверием принялся.

– Не бойсь, не из-за борта, – хохотнул Леха, вспомнив как однажды «добрые» товарищи втихаря налили ему во флягу соленой морской воды. Сказали: чтобы и в праздники не расслаблялся. – Пить можно, я проверил.

– Спасибо, – кивнул сержант.

Леха скользнул взглядом по верхним полкам с дремавшими на них мирными тетушками и скорчил гримасу. Тетки были моложавые, лет под сорок пять, но, обнаружив в соседях двух вояк, наотрез отказались спускаться вниз. Тоже, видать, за десантников приняли. И чего все так остерегаются десантников? Как Леха ни предлагал им поменяться местами, женщины не соглашались, хотя ехали до Сочи.

Глядя на попутчиц, Леха вспомнил, что путешествовать в купе с таким шиком тоже было идеей Федора. «Дембель, – сказал, – не надо на впечатления экономить». А Леха бы

сэкономил. Ехать-то всего ничего, да и привык он больше в плацкартном. Там весело, людей больше. Девчонок. Впрочем, что ни говори, а здесь все же приятнее. Никто мимо не снует, глаза не мозолит.

Едва он так подумал, как в приоткрытую дверь протиснулся помятый мужичок в сером замусоленном пиджаке с рваными карманами. Мужичок был невысокого роста, с опухшим лицом, на котором за версту читались криминальные наклонности. Он протянул Федору выдавшую виды электробритву, бросил полный муки взгляд на бутылку пива и попросил:

– Братан, купи бритву. Мне на обед не хватает.

– Не свисти про обед, – не дал Леха ответить сержанту, – на пузырь сшибаешь. Вали отсюда, алкаш. Ты эту бритву, небось, в соседнем вагоне спер, а здесь втюхать решил.

Мужик перевел взгляд на Леху и сразу взъерепенился, словно тот задел его воровскую гордость.

– Не по понятиям живете, служивые.

Но тут в разговор все же вклинился Федор, не переставая удивлять Леху своим ученым красноречием. Ему, похоже, появление криминального элемента тоже удовольствия не доставило.

– Мы, мужик, последние годы жили по уставу, – медленно, с расстановкой, словно выступал перед отделением, и даже с некоторой душевностью в голосе произнес Федор Чайка. – А теперь, на гражданке, будем жить по закону. И если ты, му-

жик, будешь меня жизни учить, то я сейчас завяжу тебе уши на затылке и сдам наряду милиции вместе с твоей краденой бритвой. А они отправят тебя туда, где ты снова сможешь долго жить по понятиям. Уловил?

Мужик, словно зачарованный, не двигался с места, зажав в руке бритву. На него речь Федора тоже произвела неизгладимое впечатление. Леха не поручился бы, понял ли тот что-нибудь, а только подумал о том, что сам в подобной ситуации выразился бы гораздо короче.

Женщины на верхних полках, разбуженные громкими разговорами, проснулись, но не вмешивались, предоставив солдатам самим разобраться с непрошенным гостем.

– Чего, – нашелся, наконец, мужик, – значит, не купите? Тогда хоть десятку дайте.

– Сержант, – заметил вслух Леха, – а он нас не боится. У него, наверное, в соседнем вагоне банда.

– Чего вас бояться? – нагло заявил мужик, оглядывая сидевших на нижних полках морпехов. – Зря вы без стволов понтуетесь.

– Я тебя и без автомата уделаю, хроник, – успокоил его Леха, – пошел вон отсюда. Дай дембелям отдохнуть.

– Не по понятиям, живете, служивые, – повторил напоследок мятый мужик, но все же испарился из купе.

– Ходят тут всякие, – заявила, осмелев, женщина с верхней полки, когда незванный гость исчез из поля зрения, – а потом деньги пропадают.

В Туапсе приехали к вечеру. В начале шестого. Захватив с полком по вещмешку с нехитрыми пожитками, морпехи покинули душный вагон, сойдя на раскаленный асфальт при вокзальной площади. Несмотря на вечерний час, казалось, что солнце продолжало нагревать прибрежный городок на радость оккупировавшим его туристам. Был самый разгар сезона. А из поезда, на котором приехали друзья, высаживалась новая туристическая армия, уверенная, что всем найдется место в этом резиновом городе. На перроне мгновенно стало не протолкнуться.

– Ну, что, брат Леха, – поинтересовался Федор, щурясь на солнце сквозь листья акации, когда они шагов на пятьдесят удалились от здания вокзала, кипевшего словно разворошенный медведем улей, – куда дальше двинем? Где живешь-то?

– Отсюда далековато, – ответил Леха, – нет, конечно, если вспомнить марш-броски со снарягой, то в двух шагах. Да только тут все в гору надо забираться. Если не бегом, то минут за сорок дойдем. А мне сейчас как-то лень.

– Ну, тогда пошли на автобус, – кивнул сержант.

Приблизившись к остановке, рядом с которой выстроилось друг за другом с десятков разнокалиберных автобусов, Леха тормознул первого встречного мужика с котомкой.

– Слушай, мужик, какой тут теперь до улицы Войкова идет? – поинтересовался Леха и вдруг смутился, глядя на вытянутые корпуса маршрутных «Мерседесов» и «Фолькс-

вагенов», разбавленных «Газелями» и «ПАЗиками». – А то изменилось тут как-то все, пока меня не было.

Мужик понимающе подмигнул и молча указал на табличку с номером, висевшую в десятке метров. Друзья быстро отыскивали нужный автобус и, устроившись на задней площадке забитого народом «ПАЗика», поехали вверх. Дорога огибала горные выступы, поросшие акациями и кое-где облепленные домами. Петляла серпантином. Минут через пятнадцать «ПАЗик» высадил их, скрипнув несмазанными дверцами, на берегу какой-то речки с бетонными берегами и указал дальше.

Оказавшись на набережной, Леха, вечно куда-то торопившийся, на этот раз спешить не стал. Подхватив мешок, он подошел к железному парапету и остановился, глядя вниз. Федор потянулся, разминая косточки, осмотрелся по сторонам. Автобусная остановка находилась на открытом пятачке. На этой стороне дороги стоял небольшой стеклянный магазинчик с гордой вывеской «Маркет». Рядом с ним притулился ларек, где торговали всевозможным алкоголем, и несколько столиков, слегка накренившихся, поскольку набережная шла вниз с большим уклоном. Горы как-никак. В двадцати метрах от ларька продавали всевозможные фрукты, по большей части арбузы, два деателя с ярко выраженной восточной наружностью. Федор в национальностях не очень то разбирался, все горцы для него были похожи друг на друга, как, положим, китайцы. Хотя русские для китайцев тоже наверняка

были на одно лицо.

Ближайший дом у набережной находился в сотне метров вниз по течению. Сверху виднелся рынок, а рядом с ним целый квартал девятиэтажек, слепленных, как еще недавно было принято, по одному проекту во всех городах необъятной Родины. Прямо через дорогу стояла пятиэтажная хрущевка, окруженная зелеными насаждениями. Глянув туда, где стоял его друг, Федор рассмотрел за рекой массивные четырехэтажные сталинские «особняки». Тоже целый квартал с ведущим к нему нешироким мостом.

Вечерело. По обеим сторонам реки в сторону моря тек живой поток отдыхающих с надувными матрасами, желавших насладиться «полезным» солнцем. Федор провел рукой по своему обмундированию, и ему вдруг дико захотелось сбросить его и немедленно искупаться. Ведь он уже был одним из них, гражданским, только еще в форме. И мог делать все, что хочет.

– Ты чего здесь застрял, Леха? – поинтересовался Федор, приблизившись к другу, который изучал протекавшую внизу мелководную речку, более похожую ручеек, по сравнению с которой высота и ширина бетонной набережной казалась просто безумной. – Дорогу домой забыл?

– Да нет, – вяло отмахнулся Леха. – Не забыл. Приехали уже. Вон он, мой дом.

Федор проследил за вытянутой рукой. Она указывала на квартал девятиэтажек за рынком, прямо напротив моста.

– А чего стоим? – удивился сержант. – Думал, ты ближе к дому бегом побежишь. Родителей обрадуешь. Ты им хоть позвонил?

– Позвонил, еще с дороги, – кивнул Леха. – Батя на работе. Придет через час. Мать дома.

– Ну и чего ты тут торчишь? – удивился Федор. – Иди, обрадуй родителей. Они, небось, заждались.

– Прочувствовать хочу, что вернулся, – вдруг произнес Леха. – Вроде так давно дома не был. А вот постоять еще чуток хочется. Ведь как порог преступлю – все, другая жизнь начнется.

– Это верно, – согласился Федор, уловив настроение друга. – Тогда по пиву?

– Давай, – обрадовался Леха, словно только и ждал этого предложения.

Они взяли по бутылке пива. «Балтика» оказалась местного, «донского» разлива. Купили также вяленой рыбки и сухариков. Встали за столик, ближний к набережной. Выпили по глотку, помолчали.

Мимо сновали отдыхающие, но уже не раздражали своим довольным видом. Леха, которого обычно было не заткнуть, сейчас молчал, потягивая пиво. Федор хрустел вяленой рыбкой, рассматривая набережную и девушек, дефилировавших по ней в ярких купальниках. И в нем просыпалась жажда жизни. Ему вдруг захотелось быстрее вернуться в Питер, повидать родителей и Маринку, если еще не вышла замуж – в

последние месяцы службы он ей писал редко.

Хотя с Маринкой можно и не торопиться, подумал сержант, разглядывая яркие купальники. Жениться ведь он не обещал. Да и Маринка не собиралась «вешать такой хомут себе на шею» в двадцать с небольшим лет. Еще рано. Так ей говорили все подруги, проводившие вечера напролет на дискотеках. Не по годам рассудительный Федор с ними соглашался. Времена наступили вполне фривольные, живи, с кем хочешь, если есть возможность. Для любителей развлечений – просто рай. Где бы только денег набрать на эти развлечения? Но это был уже другой вопрос, из взрослой жизни, краешек которой только-только обозначился. И Федор, подобно Лехе, тоже не торопился переступить через порог. Рано еще загружаться на эту тему. Гуляй пока молодой. Взрослая жизнь все равно догонит.

Взвизгнув покрывками по разогретому асфальту, рядом с лотком «арбузников» остановился в усмерть затонированный «Мерседес». Тонировка, впрочем, не скрывала его почтенный возраст. Из машины вылезло пятеро небритых восточных ребят в черных очках, расстегнутых на волосатых грудях цветастых рубашках с короткими рукавами и шортах. У всех, словно знак принадлежности к общему братству, с шей свисали одинаковые золотые цепи. А ноги при этом украшали рваные шлепанцы.

Неторопливо прошаркав по асфальту к продавцам арбузов, они обменялись короткими фразами на незнакомом

друзьям наречии. Сразу стало ясно, что это не покупатели, а «проверяющие». И проверяющих что-то не устроило. Один из них, ни с того ни с сего, вдруг въехал кулаком в ухо продавцу. Тот рухнул на свои арбузы, поколов сдесяток полосатых шариков. Не обращая внимания на испуганных прохожих и бросив на прощанье продавцам короткую фразу, местные хозяева жизни направились к ларьку, где перепуганная девушка тут же выдала им пачку денег и бутылку вина. Один из парней махнул продавцам, и те быстро доставили к столу спелую дыню.

Леха, сначала молча наблюдавший за экзекуцией, вдруг отодвинул бутылку пива в сторону и, выйдя из задумчивости, громко произнес, обращаясь к тому, который дал в ухо продавцу.

– Эй, ты, урод, а ну-ка извинись перед мужиком.

Расположившиеся за соседним столиком восточные ребята разом обернулись. А тот, к которому обращался Леха, в недоумении переспросил.

– Это ты мне сказал, солдат?

– Тебе, – подтвердил Леха. – А если ты плохо слышал, могу повторить.

Горец оценивающе смерил Леху взглядом и снисходительно попытался дать ему шанс.

– Это мои бараны, солдат, – пояснил он, с трудом выговаривая слова на неродном языке. – А это, – он взмахнул рукой, – мой район. Так что не лезь, русский. Пей свое пиво и

уходи. А то хуже будет.

– Ошибаешься, – назидательно произнес Леха, – баран – это ты. А район мой. И ни одна черножопая тварь теперь тут распоряжаться не будет.

После этого вступления в голову главного горца полетела бутылка. Тот едва успел увернуться. Бутылка со звоном разбилась об асфальт. Федор обернулся к другу, хотел успокоить, но Лехи уже рядом не было. Мгновенно перейдя из состояния романтической задумчивости в состояние атакующего морпеха, тот одним прыжком оказался рядом с соседним столиком и вмазал ногой по мужскому достоинству недавнего собеседника. Тот взвыл и согнулся пополам.

Но остальные черные ребята оказались проворнее. И подготовка у них, похоже, имелась. Да только расслабились они от жизни на южном солнце, жирком обросли. А Леха с Федором еще не успели.

Боец, стоявший рядом с главарем, скинул шлепанцы и начал скакать вокруг Лехи, делая призывные движения руками.

– Давай, русский, давай! – выкрикивал он, – посмотрим, кто сильнее. Я тебе все кости переломаяю, а потом ты будешь у меня просить пощады.

Развязки Федор не увидел. Не до того было. Двое оставшихся боевиков бросились на него. И Федор с каким-то удовольствием выждал, пока первая накачанная и загорелая фигура окажется рядом, размахивая руками и ногами. А за-

тем, немного отступив, обратил энергию наступавшего против него самого. Короткий захват руки, поворот корпуса, бросок, и горец, перелетев через парапет набережной, мешком рухнул вниз. Айкидо – великая вещь. Раздался глухой удар и отчетливый хруст. Федор даже решил, что перестарался. Горячий парень мог и насмерть разбиться, летел ведь с высоты не менее трех метров. Но раздавшиеся снизу вопли его успокоили. Значит, жив. Остальное залечит.

Федор бросил короткий взгляд на Леху. Тот, сбив первого противника, загнал второго в клетку с арбузами и просто месил ногами на глазах у перепуганных продавцов. Горец стоял, закрывая голову руками и орал «Не надо, русский, не надо!».

А последний, увидев столь неожиданный поворот, выхватил пистолет. И навел его на Федора.

– Не подходи! – заорал он. – Застрелю как собаку!

Сержант не поверил. Метнулся в сторону и вниз. Грохнул выстрел, вышибая кусок из бетонного парапета. Перекатившись через плечо, Федор «подрубил» стрелявшего под колени двумя ногами. Дуло вздернулось. Второй выстрел ушел вверх. Боец рухнул, выронив пистолет на асфальт и крепко ударившись затылком. Обезоружив противника, сержант оказался над ним и – уж очень обидно было здесь под пули подставляться – пару раз вмазал по морде и по ребрам для того, чтобы обезопасить себя от новых вариантов.

Встал, огляделся, решив, что дело сделано. Поле битвы

осталось за ними. Трое лежали без движений. Один голосил снизу из полусухого русла реки, но его видно не было. Лишь главный «хозяин жизни» сидел, согнувшись под пивным столиком, обхватив свое поврежденное хозяйство, и скулил. Федор решил, что с него хватит. Но тут появился Леха и стал пинать его до тех пор, пока тот не затих. Затем поднял за рубашку и шорты, дотащил до «Мерседеса» и разбил его головой боковое стекло. Потом открыл дверь и «забил» туда тело горца так, что только ноги его теперь безвольно свисали из машины.

Озверевший Леха являл собой устрашающее зрелище. Давно его Федор таким не видел.

– Да ты, я смотрю, уже прочувствовал возвращение, – заметил он, оглядываясь по сторонам, где из всех щелей на них глазели испуганные прохожие. – Пора сматываться, дружище. А то сейчас наверняка менты пожалуют. Не хотелось бы в первый день свободы оказаться в кутузке. Да еще неизвестно кого мы с тобой только что отделали.

– Ты прав, – кинул Леха, подхватывая вещмешок, и устремился через дорогу в заросший деревьями двор. – Беги за мной.

Быстро прошмыгнув дворами, через минуту они уже оказались в квартале девятиэтажек и стояли у дверей Лехиной квартиры на пятом этаже.

Глава вторая

Морская рыбалка

Дверь открыла невысокая седовласая женщина с добрыми глазами. Обняв сына, она расплакалась.

– Ну, заходи, сынок, – сказала она, с трудом оторвавшись от него, – а то, что это мы в дверях стоим. И друга приглашай. Давно вас ждем. Поезд-то уже час как пришел.

– Да мы задержались немного, – оглянувшись на друга Леха, подмигнув, – пива попили. Жарко очень на улице.

– Здравствуйте, – поздоровался Федор, опуская мешок на пол.

Леха не стал с порога потрясать мать происшедшим у «Маркета». После обеда дворы в городе напоминали пустыню. Пока бежали да по лестнице поднимались, им никто не попался. Как домой вошли, тоже кроме матери никто не видел. Может, и пронесет.

Потом они ели борщ, пили чай. А когда пришел отец Лехи Владимир Валентинович, невысокий крепкий мужичок, много лет проработавший слесарем на судоремонтном заводе. Подобных ему людей, заслуживших всеобщее уважение (а это сержант доподлинно знал из многочисленных рассказов своего приятеля), на производстве во все времена звали исключительно по отчеству. В данном конкретном случае Ларин-старший, естественно, именовался Валенти-

нычем. Он обстоятельно пригладил макушку, почесал кончик носа, крикнул, и на столе появилась беленькая. Сын-то уже большой. Солдат.

Валентиныч Федору понравился – простой рабочий мужик, привыкший честно пахать всю свою сознательную жизнь. При чем работать Валентиныч предпочитал больше руками и трудностей никогда не боялся. Сержант хозяину тоже пришелся по сердцу, как и Лехиной матери, Антонине Алексеевне.

– Мы ведь, Ларины, сюда из-под Воронежа переехали, – неторопливо рассказывал Валентиныч, наливая сержанту очередную рюмку. – Давно. Лет пятнадцать будет. Друг все зазывал, он тут большим начальником состоит. Цехом управляет на судоремонтном заводе.

Федор кивнул.

– Ну, а у меня в Воронеже дела как-то не складывались – не ладил с начальством.

Сержант бросил короткий взгляд на рядового Ларина и снова кивнул.

– Друг мне тут предложил приличную работу по специальности. Да и море рядом. А я же без рыбалки не человек. Вот и переехали. Мать сначала переживала, огород ведь оставить пришлось, а потом привыкла. Устроилась работать в местную школу, ну, и по хозяйству само-собой...

Так они просидели не меньше часа, пока разговор не перетек на отвлеченные темы.

– Ты, сержант, говорят, по истории спец, – стал задирать Федора слегка разомлевший Валентиныч, подмигивая расположившему рядом сыну, – полководцев древних изучаешь?

– Есть немного, – скромно согласился Федор, закусывая грибочками, заботливо выставленными на стол прямо перед ним Антониной Алексеевной. – Римской тактикой интересуюсь. По тем временам самая передовая армия была.

– А зачем? – продолжал Валентиныч. – Ну, на кой хрен тебе это знать? Да еще каких-то римлян. Они же автоматов не имели. Шашками дрались. Окажись сейчас они здесь, супротив вас вон с Лехой, да вы же их покروшили бы в мелкий винегрет из своих стволов и бронетехники, верно? Какой ныне смысл от их тактики?

– Верно, – кивнул Федор, пропустив «шашки» мимо ушей. – Только вот если бы мы случайно оказались без «стволов» – пришлось бы повозиться. И, скорее всего, порубили бы нас в мелкий винегрет.

– Да брось ты, – хлопнул его Валентиныч по плечу, а сына приобнял. – Таких орлов? Не верю.

Федор с Лехой дипломатично промолчали.

– Вон у меня сосед по площадке, – продолжал развивать тему Лехин отец, – археолог. Тоже все копает какие-то курганы. Ямы роет с утра до ночи. Делать ему не хрен. Говорит, скифов каких-то ищет, тоже хочет историю двигать. А я думаю, золото откопать придумал. У нас ведь тут этих могиль-

ников с кладами — тыщи.

Валентиныч наклонился к Федору и прошептал заговорщицки:

— А в прошлом месяце он в Крым поехал свои курганы копать. Так его там местные татары чуть самого не закопали. Говорил, что влез в могильник какого-то царька, так они возмутились. Живой вернулся, и то ладно.

За окном уже стемнело, когда Леха, наконец, рассказал сильно захмелевшему отцу об инциденте с горцами. Тот даже крикнул от такого поворота событий. На кухне, пропитанной водочными парами и ароматом разносолов, повисла тревожная тишина.

— Хорошо, что мать уже спать пошла, — высказался отец, — я же там был часом позже. Видел, что случилось.

— И что? — не выдержал Леха, подавшись вперед.

Валентиныч помолчал, потом налил себе еще водки.

— Грохнули вы одного, вот что, — процедил он сквозь зубы.

— Которого? — не унимался Леха.

Валентиныч выпил, закусил огурчиком.

— Труп из машины вытаскивали.

Леха с Федором переглянулись. Но сержанту показалось, что на лице бывшего рядового не было и тени раскаяния.

— Я когда из автобуса вышел, — продолжал Валентиныч, — там уже толпа собралась. Скорая, менты. До сих пор поди копошатся. Одного из этих айзеров подняли аж из сухого русла. Вы ему все ребра переломали и ногу. Еще двое еле дви-

гались. За что же вы их?

Оба морпеха, давно сидевшие за столом в тельняшках, скинув кителя, еще не успели ничего сказать, как он сам заговорил дальше.

– Хотя, давно пора было их приструнить. Этот Вагит совсем оборзел. Уже среди бела дня прохода не давал добрым людям.

– А кто это, Вагит? – спросил Федор.

– Да местный бандит, – ответил Валентиныч, – а папаша его – местный депутат. Такие дела, говорят, проворачивает за казенный счет. И когда только на таких управу найдут. Разворовали страну, сволочи. В общем, у них здесь все схвачено. Так что, ребята, наломали вы дров. Нечего сказать.

Леха встал, достал из кителя пачку сигарет и, сделав несколько шагов из тесной кухни, оказался на балконе. Зажег сигарету, затянулся. Провел рукой по волосам. Федор тоже вышел, но больше для того, чтобы свежим воздухом подышать и осмотреться. С балкона пятого этажа выходящей на набережную квартиры была отлично видна площадь перед мостом, рынок и чуть в стороне тот самый «Маркет», где все и произошло. Сейчас место было огорожено красной ленточкой. «Мерседес» остался на месте. Рядом пристроился милицейский «УАЗик» с мигалкой, неподалеку копошились криминалисты.

– Как ты думаешь, – произнес Федор, – сколько времени пройдет прежде, чем за нами менты придут? Выспаться хоть

успеем?

Леха молчал, только сильнее стал затягиваться.

– Я с этой сволочью все равно мириться не буду, – процедил он, наконец. – Чтобы они у меня в районе свои порядки наводили? Ни хрена.

– И что? – уточнил Федор. – Пойдешь в робингуды, пока всех не перебьешь? Или в милицию?

– Ты умный, – огрызнулся Леха, – ты и придумай. А я когда вижу эти наглые рожи, сразу в драку тянет.

– Это я давно заметил, – проговорил Федор, разглядывая копошение на месте недавней битвы. – Вот что, солдат, я думаю. Может, кто из прохожих нас и заметил, но ведь надо еще доказать, что это были именно мы. А если доведется опять с айзерами пересечься – уйдем в отказ. Первый раз видим, что бы ни говорили. Мало ли в городе морпехов шляется. Других идей у меня пока нет. Вычислят нас все равно, но если мы себе обеспечим, так сказать, алиби, то шанс у нас есть. Где, ты говоришь, стоит твоя лодка?

От удивления Леха даже выкинул недокуренную сигарету вниз. Окурок прочертил ночной воздух маленьким метеором и разбился об асфальт, распавшись на искорки.

– Батя, – обернулся он к отцу, – наша посудина в порядке?

– А то как же! – вскинулся Валентиныч. – В гараже стоит. Только позавчера в море ходил, да мотор хотел потом перебрать, но не успел. Барахлит немного. Зачем тебе?

– Да дело в том, что мы с вашим сыном, Владимир Ва-

лентинovich, – ответил за друга Федор, – собирались на морскую рыбалку сходить. Так давно мечтали, что как с поезда сошли, так сразу на берег и отправились. У вас ведь гараж где-то на берегу?

– Ну да, – не понял намек захмелевший Валентиныч. – Аккурат слева от порта. Не доходя до городского пляжа – причал. Там у нас рыбаки с яхтами да катерами кучкуются. Правда, отец Вагита давно хочет его прихватизировать, но пока руки еще не дошли.

– Так у вас яхта? – переспросил Федор.

– Да какая это яхта? – услышал он в ответ, сквозь звуки льющейся в стакан водки. – Так, одни слезы. Шаланда, но парус и мотор имеются. В море на катрана сходить можно. Слыхал про такого?

– Слыхал, – кивнул Федор.

– Правда, недалеко, – добавил Валентиныч, опрокидывая в себя водку привычным движением. – Все ж таки не крейсер.

– Да нам далеко и не надо, – кивнул Федор, возвращаясь с балкона обратно за стол. – Денек в море проболтаться, а вечером назад.

Сержант резко нагнуллся вперед и произнес, отчетливо выговаривая слова.

– А нас вы, Владимир Валентинович, еще в глаза не видели. Ясно? А если соседи нас заприметили – примерещилось.

– А-а-а-а... – наконец сообразил хозяин. – Молодец па-

рень.

Валентиныч налил сержанту стопку, а себе привычную дозу, стакан.

– Так оно лучше. Может и вывернешься. А заодно и моего охламона вытянешь из этого дерьма. А иначе... не знаю, чего с ним будет... если найдут.

– Ключи где? – перешел к делу Федор.

– В шкафчике, – махнул рукой захмелевший Валентиныч. – Леха знает...

И помолчав, добавил, глядя на сидевшего напротив сына.

– Эх, сынок, мать бы пожалел... Да чего уж теперь. Прячьтесь пока... с глаз долой. А ей я объясню... как-нибудь.

Морпехи быстро переоделись, чтобы идти по улице, не привлекая внимания. Леха разыскал свою старую одежду. Он сам был не маленький, а потому из нее кое-что пришлось в пору и более крупному Федору. Обмундирование отец обещал спрятать так, что никто не найдет. Друзья собрали со стола в мешок еды и выскользнули на улицу глубокой ночью. Само собой, машину ловить не стали – не хотели лишний раз светиться. Леха, выросший на этих улицах, дорогу знал и сначала, чтобы обойти место драки с горцами, где все еще работала милиция, повел друга наверх. Затем они пересекли русло пересохшей реки и оказались на другом берегу, в квартале сталинских «особняков». Там было много зеленых насаждений, которые вкупе с темнотой полностью скрыли беглецов. Здесь друзья повернули обратно и, прячась, словно

тати, торопливо зашагали в сторону порта. Мимоходом Леха объяснил, что этот жалкий ручеек превращается во время паводков в такую бурную реку, что и этих высоких ограждений иногда не хватает.

Район Туапсе, притулившийся между отрогом горы и рекой, был немногочисленным и тихим, почти окраиной. По нему друзья дошли без приключений почти до самого моря и достигли порта, над которым, освещая какие-то огромные сооружения, горели прожектора. Лишь здесь они перешли реку по узкому навесному мосту, взяли левее и углубились в городские кварталы. Чтобы достичь гаражей, предстояло обогнуть весь порт, раскинувшийся на большой территории.

– Батя говорил, – сообщил Леха на ходу, продвигаясь вдоль бетонной стены, – что здесь даже яхта Путина иногда базируется. На пирсе.

Он остановился, осмотрелся по сторонам. Центр города, где было много света и шума от туристов, прожигавших деньги в местных ресторанах, а также главная дорога на пляж благополучно остались слева. Путь морпехов лежал правее, через промышленные кварталы и примыкавшие к ним невысокие частные домишки. Люди попадались и здесь, несмотря на ночное время, но было их гораздо меньше, а по мере удаления от центра прохожие и вовсе пропали. Оставалось опасаться только любителей ночной рыбалки.

– Яхта Путина, говоришь? – заинтересовался Федор.

– Ну да, – подтвердил Леха, бодро вышагивая на полшага

впереди, – само собой, не официальная. Какой-то арабский шейх ему подарил, говорят, в обмен за тайные дипломатические услуги. А внутри – сплошная роскошь.

– Ты там был? – удивился Федор.

– Не, – махнул рукой Леха. – Говорят...

Скоро показались и гаражи. Они смутно темнели на небольшом участке берега между высоченной стеной порта и прижимавшими с суши мрачными домами. Здесь местные рыболовы хранили свои шаланды и катера. Пирс тянулся метров на тридцать, к нему было привязано множество лодок.

Федор поднял голову и взглянул на небо. Светало. Он даже смог различить несколько лодок, болтавшихся в акватории на небольших волнах. Дул легкий ветерок, но в целом ночь над морем была спокойной и действовала на него умиротворяюще. В голове шумело. Хотелось прилечь и отдохнуть. Но вместо этого следовало действовать быстро и создавать себе алиби.

– Давай скорее, – проговорил Федор, – а то не ровен час, еще кого-нибудь принесет.

Гараж оказался электрифицирован. При свете тусклой лампочки сержант рассмотрел имевшееся в их распоряжении плавсредство – большую деревянную лодку коричневого цвета, метров четырех в длину и приблизительно полутора в ширину. Лодка напомнила Федору угловато сработанный швертбот типа «ОК», на котором он пару месяцев ходил

в детстве шкотовым, когда отец пытался заставить сына заниматься спортом. Но интерес к яхтам быстро пропал, зато возник интерес к плаванию. В одном из выходов мальчишка упал за борт и чуть не утонул.

Продолжая рассматривать лодку, сержант заметил в центре настила на днище отверстие под небольшую мачту, которую Леха уже разыскал в глубинах лодочного гаража и подтаскивал поближе. На корме, кроме всего прочего, имелись крепления под навесной мотор.

– Навигация есть? – уточнил Федор, хотя ответ напрашивался сам собой.

– Нету ни черта, – прямо ответил Леха, доставая выдавший виды парус. – Только карманный компас и тридцатикратный бинокль.

Федор взял компас и бинокль себе. К счастью, в хозяйстве Валентиныча имелись пробковые спасательные жилеты привычного ярко-рыжего цвета, и это его немного успокоило. Все же в море выходят, а оно любит пошутить, особенно над тем, кто не подготовился к встрече.

Закрепив мотор, друзья вытащили лодку из гаража и спустили на воду. Леха установил мачту на место, приладил руль и парус. Покидав на дно мешок с едой, в котором что-то звякнуло, всю рыбацкую одежду и удочки (даже кое-какая наживка нашлась) они на веслах отошли от берега.

Отгребли метров двести, и уже там Леха завел мотор. К тому моменту небо просветлело еще сильнее.

– Далеко плыть-то собрался? – удивился Федор, оглядывая акваторию, в которой болталось штук пять лодок, и светящийся огнями город, – удочки-то можно и здесь покидать.

– Не бойсь, сержант, – оказавшись в море, Леха снова обрел былую говорливость, – тут места знать надо. Я же тебе обещал морскую рыбалку, будет тебе рыбалка. А здесь кроме бычков в машинном масле ничего не поймаешь. Тут одни лохи рыбу ловят. Надо дальше идти.

– Ну, давай, – согласился Федор. – Только для начал вдоль берега пройдемся. Вдруг клевать начнет?

Старый советский моторчик призывно заурчал, и лодка, развернувшись носом в сторону Крыма, ходко пошла вдоль берега, оставляя за собой пенную волну. Леха сидел на руле, а сержант устроился на скамейке под мачтой, накинув на плечи джинсовую куртку. В столь раннее утро на воде было довольно свежо.

Пока они огибали порт, Федор Чайка разглядывал все, что попадалось на глаза. Сначала город, огни которого становились все более тусклыми, растворяясь в лучах рассвета. Затем огни маяка и четыре колоссальных сухогруза, стоявших в море на якорях в ожидании разрешения войти в порт. Два судна были под турецким, один под греческим флагом. А четвертый Федор не распознал. Наверное, какая-нибудь Малайзия или Папуа Новая Гвинея, которая, в конечном итоге, могла оказаться зафрахтованной обычными русскими контрабандистами.

Оставив порт за кормой, шаланда Валентиныча прошла примерно пару миль вдоль берега, который представлял собой скалы с тонкой прибрежной полосой, усеянной отдельными крупными обломками. Днем здесь загорали нудисты и гуляли многочисленные дикие туристы, не желавшие ограничиваться суетливыми городскими пляжами Туапсе. Сейчас на берегу было пустынно. Лодка плыла всего в сотне метров от берега, и Федор даже без бинокля рассмотрел несколько палаток.

– Дикари, – пояснил Леха, проследив за взглядом товарища. – Встанем пока здесь. Проверим место.

Они кинул в воду якорь на длинной веревке, ушедшей в воду метров на десять. Федору приятель определил спиннинг, а сам, достав удочку, стал прилаживать снасти. Закончив с первым занятием, переключился на изготовление странной наживки из какой-то смеси, прихваченной в гараже. Пока он этим занимался, Федор уже несколько раз закинул блесну, но безрезультатно.

– Сержант, – предложил Леха, погладив мешок с едой, в котором что-то призывно булькнуло, – может, махнем за удачу по стопарику?

Федор посмотрел на поднимавшееся солнце, предвещавшее жару, и отказался. Тогда Леха, не задумываясь, махнул в одно лицо: сделал пару глотков из бутылки водки, которая обнаружилась в мешке вместе с железной банкой тушенки, завернутой в бумагу колбасой, хлебом и огурчиками.

– Ты воды захватил? – уточнил Федор, прикидывая, какой сушняк у них обоих скоро начнется.

– Обижает, командир, – Леха предъявил две пластиковые бутылки минеральной воды «Нарзан».

– И то дело, – кивнул Федор, сматывая леску и снова закидывая спиннинг.

Леха тем временем капнул в свою хитрую смесь масла из специального пузырька. Накатал липких шариков, наживил один на крючок и тоже закинул удочку. Ярко-красный поплавок поплясал среди зеленых волн минут пять и вдруг неожиданно ушел на глубину. Довольный морпех подсек, вытащив добычу – небольшого скользкого «бычка». Глядя на его страшную морду, Федор решил, что такую рыбу надо снимать в фильмах ужасов.

– Неплохо для начала, – объявил Леха и насадил новый шарик.

За полчаса Леха натаскал пяток «бычков» и несколько плоских серебристых рыбок, походивших на плотву. Затем клев прекратился. Федор же так ничего и не вытащил.

– Надо место менять, – назидательно сказал Леха и завел мотор.

Они прошли вдоль берега в сторону Крыма еще несколько миль, проверив не один десяток мест. Но рыбы было очень мало, да и попадалась все больше мелочь.

– Не клюет ни черта, – пожаловался Леха, когда они перекусывали прихваченной снедью, – надо дальше в море идти.

Вся крупная рыба там.

В очередной раз, отстояв часок на новом месте, друзья поймали всего одного бычка.

– И твой катран там ловиться? – уточнил сержант, с надегой глядя на неуловистый спиннинг.

– Там и акулы ловятся, – пошутил Леха.

– А бензина на обратную дорогу хватит? – спросил Федор.

– Хватит, – успокоил Леха, привычным движением запустив движок, – и туда, и обратно. Я запасную канистрочку захватил на всякий случай. А, если что, на парусе дойдем. Ветер с моря дует.

– Ладно, – махнул рукой Федор, глянув на часы, которые показывали уже второй час дня, – поплыли.

И хотя их главной целью было просто провести этот жаркий день в море, его уже против воли захватил рыбацкий азарт. А какой рыбак стерпит, что у него не клюет, и друг его давно обошел в добыче?

За пару часов приятели отошли от берега на приличное расстояние, так, что тот стал едва заметной полоской, и дрейфовали теперь по ветру. Пару раз Федору даже улыбнулась удача, он поймал-таки катрана, которого местные величали не иначе как черноморской акулой. Но и здесь, посреди открытого всем ветрам пространства, клевало как-то не слишком удачно. К тому же после выпитого вчерашней ночью больше хотелось прилечь, нежели размахивать спиннингом. За день болтанки жесткая скамейка натерла на мягком месте

вполне приличную мозоль.

– Ладно, Леха, – предложил Федор, посмотрев на часы, которые показывали начало шестого, – пора к берегу двигаться. На алиби мы уже наплавали. Скоро смеркаться начнет, а наша посудина не предназначена для кругосветных круизов.

– Уговорил, сержант, – Леха быстро смотал удочки, – мне и самому надоело. Не клюет, хоть ты тресни. Но зато будет что вспомнить, это ж твоя первая морская рыбалка получается, как ни крути.

– Получается, – согласился Федор.

– До дому дойдем – отметим, – добавил неугомонный Леха.

С ловкостью обезьяны он пробрался с носа на корму и дернул трос. Никаких звуков Федор не услышал, привычного утробного тарахтения не раздалось. Только ветер посвистывал в ушах. Леха удивился и дернул еще раз. Тот же результат.

– Что с мотором? – напрягся сержант, вспомнив вчерашний рассказ Валентиныча.

– Черт его знает, – ответил Леха. – Сейчас гляну.

Он подхватил валявшуюся на дне холщовую сумку с ремкомплектom и достал оттуда отвертку. Быстро снял крышку мотора и долго возился в нем, несмотря на то, что волны раскачивали рыбацкое суденышко довольно прилично. Ветер начал свежеть. Через полчаса вынужденного наблюде-

ния за волнами сержант перестал ждать радостных реляций. Кроме того, он заметил на горизонте, затуманившемся и почти уже не разделяющем небо и море, одну очень неприятную тучу, быстро приближавшуюся к ним.

— Эй, моторист, — крикнул он, — кончай возню. Давай, парус ставь. Что-то мне эта рыбалка перестает нравиться.

Леха не спорил. По его перемазанному маслом лицу было видно, что он сделал все, что мог. И даже больше. Для человека, который в моторах почти не разбирался. Он привязал потрепанный временем парус к веревке и парой ловких движений поднял его вверх. Ветер мгновенно надул парусину. Лодка ожила, и ее бессмысленный дрейф сменился направленным движением к берегу, сейчас едва различаемому по правому борту. И, несмотря на ясный вечер, уже начавшему скрываться в легкой дымке.

Леха устроился у руля и, поглядывая на подозрительные тучи, выраставшие над морем, выдерживал нужный курс. Что, впрочем, не составляло труда — все вооружение лодки ограничивалось одним парусом, управлять которым при необходимости мог и сам кормчий. Федор собрался было как-то поучаствовать, помочь Лехе, но тот и сам неплохо обходился.

Минуть двадцать они шли ровно, и сержант уже стал успокаиваться, радуясь в душе медленному приближению берега, но ветер все свежел. Волнение усиливалось. И, наконец, неожиданно налетевший шквал перебросил парус со всей

оснасткой на другую сторону, чуть не сменя Чайку за борт. Тот едва успел пригнуться. Лодка резко накренилась, уйдя с курса, и рулевой долго не мог вернуть ее в нужное положение.

– Едрена мать, сержант! – крикнул Леха. – Нас сносит в сторону.

Ветер, так долго и плавно дувший в сторону берега, стал вдруг резким и порывистым. Он несколько раз менял направление, а потом, словно определившись, почти изменил его на противоположное. Теперь их гнало вдоль берега и даже, скорее, от него, в открытое море. Погода портилась на глазах. Еще через полчаса, пока приятели упорно боролись с ветром, воздух вокруг потемнел – их догнали низкие облака с дождем.

– Леха, – попытался пошутить сержант, – ты прогноз вчера случайно не смотрел?

Но Леха шутки не оценил. Да и Федору скоро стало как-то не по себе. Видимость резко снизилась, берег пропал во влажных сумерках. Дождь уже не накапывал, а сек косыми струями. С бортов захлестывали разъярившиеся волны. Чтобы не перевернуться и сохранить хотя бы слабую надежду на спасение, они убрали парус и даже сняли мачту, бросив все это на дно лодки, рядом с валявшимся там мотком веревки. Затем надели спас-жилеты.

Вцепившись в обшарпанный край борта и глядя в низкое серое небо, которое уже почти смыкалось с волнами, Фе-

двор припомнил невеселую шутку из арсенала северных рыбаков. «Мы надеваем спас-жилет, – говорил ему как-то один из них, – только для того, чтобы потом нашли наши трупы. Вода-то все равно холодная. Двадцать минут и готово». Оставалось надеяться на то, что в Черном море вода намного теплее.

Теперь их швыряло по волнам как оторвавшийся поплавок. Морпехи безрадостно прикидывали, что налететь на камни было бы не самым плохим вариантом. Это могло означать, что берег все-таки близко, выберутся. Но лодку продолжало нести неизвестно куда. Скоро совсем стемнело, и начался настоящий кошмар. Ветер, по ощущениям, был узлов сорок, а то и все пятьдесят⁴, выл между скамьями, играючи смахнул за борт мешок из-под продуктов и остатки Лежиной наживки. Безвольную посудинку бросало с волны на волну, и Федор ждал, что она вот-вот разломится пополам. А когда раздался хруст, и мотор ушел на дно, волны стали захлестывать не только через борт, но и через корму, у которой отрывало верхнюю кромку. Пришлось вычерпывать воду консервной банкой, оставшейся после наживки.

Как долго это длилось, Федор не смог бы сказать. В крошечной тьме он потерял счет минутам, а может, и часам. Потом они оба одновременно прекратили совершенно бесперспективное сражение с захватывающей все новые плацдармы стихией. Бутылки с «Нарзаном» всплыли и стали боль-

⁴ Ветер 40 узлов (72 км/час) – шторм. 53 узла – жестокий шторм.

но колотить по ногам. Один раз Федора приложило по ребрам незакрепленной мачтой. Спустя время смыло за борт оба весла. Чтобы с ними не случилось того же, измученные бойцы привязали себя веревками к скамейкам, легли на них и стали молиться морским богам.

Глава третья

Неизвестный мир

Открыв глаза, Федор подумал, что уже попал в рай для морпехов. Судя по лазурному цвету неба, это должно быть где-то на островах Баунти с разгуливающими по ним дикими красотками-шоколадками, с вином дешевле воды, с рыбой, без посторонней помощи выпрыгивающей на берег, куда высаживать десант – одно удовольствие.

В этом мире было чудовищно тихо. Ни рева урагана, ни треска ломающегося дерева. А может, он просто оглох? Федор облизал соленые губы и сплюнул, в глотке остался мерзкий привкус морской соли. Попробовал пошевелить одеревеневшими пальцами – получилось, но не сразу. Спинай Федор тут же ощутил жесткое ребро скамейки. На ногах лежало что-то длинное и тяжелое. Весь мир вокруг мерно раскачивался. «Судя по тому, как мне плохо, я еще жив», – подумал сержант. И слегка приподнял голову.

Он был в лодке, слава Богу, не один. Леха лежал рядом, привязанный к скамейке, но еще не очухавшийся. Ноги сержанта придавила мачта – с виду целая. Федор на ощупь развязал узлы и, собравшись с силами, рывком сел. Оттолкнул мачту, которая ударилась в борт с тихим стуком.

– Значит, не глухой, – осматриваясь, пробормотал сержант. – И не немой.

В лодке было полно воды, в которой плавали разбухшие куски хлеба, бумажная обертка от колбасы и – о чудо! – на дне сверкнула банка консервов с тушенкой, не смытая за борт водой. Но сколько ни пытался изможденный жаждой сержант найти заветную минералку, все было тщетно. Он только сглотнул соленую слюну и матернулся. Рядом застал Леха. Чайка перебрался ближе, помог ему развязать узлы и сесть.

– Ну, как ты? – прохрипел Федор.

– Да жив вроде, – выдавил из себя Леха неуверенно и тут же закашлялся.

Несколько минут он озибался по сторонам, не понимая, что происходит.

– Где мы, сержант? – пробормотал он, наконец, таким тоном, что было непонятно, спросил он Федора или просто думает вслух.

– Еще не в раю, – ответил Федор и осмотрелся еще раз.

– Значит, не приснилось... – прохрипел Леха. – И то ладно.

– Не бойсь, – успокоил его Федор. – Шторм выдержали, теперь не пропадем. Интересно, берег далеко?

Вокруг, насколько хватало глаз, качались волны. Ветерок дул слабенький, освежающий, а не ломающий мачты. Сержант глянул на часы и недовольно чертыхнулся: на запястье осталась только светлая полоска. Всю армию с ним прошли, а здесь пропали! Время придется определять на глазок. С

днями проще: раз желудок от голода не свело, значит, без сознания они пробыли не больше суток.

Тем временем Леха уселся на скамейке, покрутил головой и заявил:

– Жрать охота. И пить.

– Пить нечего, – огорчил его Федор, – а пожрать: вон там, под твоей скамейкой пайка консервов утопла. Только вскрыть ее тоже нечем.

– Как это нечем, – встрепенулся Леха, услышав про еду, – а ремкомплект?

Он тут же полез под скамейку и извлек оттуда банку тушенки, а заодно и бинокль, который чудом не утонул в морской пучине. Там же лежала и тяжелая сумка с набором железяк, которая не вылетела за борт во время качки только благодаря своей тяжести. Сумка была закрыта на молнию и тихонько булькала от каждого прикосновения. Вылив из нее воду и найдя отвертку, Леха немедленно вспорол брюхо консервам и стал жадно запихивать куски жирного мяса себе в рот все тем же инструментом.

Тем временем Федор нащупал у себя в кармане под жилетом компас, извлек на свет, покрутил немного в руках и вытянул руку поперек правого борта:

– Север там. Как считаешь, нам куда?

– Если на север, то к хохлам, если на восток, то к грузинам, если на запад, то к болгарам, если на юг, то к туркам. В общем, будем рулить в Туапсе, – ополовинив банку, Ле-

ха протянул тушенку другу вместе с засаленной отверткой, а сам, немного повеселев, принялся обследовать израненное плавсредство. Пока Федор ел, Леха составил картину повреждений.

– Могло быть и хуже. Мотор утопили. Но, к счастью, бачка нормальный транец поставить не успел, отгрызло только верхнюю часть кормы. А то давно бы утонули. Весла смыло, зато руль на месте. Мотор у меня чуть сбоку стоял. И мачта с парусом не уплыла. Живем, сержант!

– Хорошо я на первую рыбалку ходил, – криво усмехнулся Федор, – век не забуду.

Леха быстро воткнул мачту на место – с виду она показалась целой. Схватившись за нее, стал на самый край борта и оттуда опорожнил свой мочевого пузырь.

– Дельфинов не напугай, – посоветовал ему Федор.

– Они и не такое видали, – успокоил друга Леха и философски заметил. – Круговорот веществ в природе, понимаешь.

Закончив столь необходимую процедуру, он стал привязывать парус. Это дело оказалось хитрое – все веревки разорвало к чертям, и чтобы наладить из них нормальные шкоты предстояло повозиться.

Федор, тем временем, доел тушенку, взял со скамейки бинокль и стал разглядывать морские просторы в надежде увидеть какой-нибудь корабль. Все ж таки Черное море – это не Антарктика, перекресток торговых путей. Корабли должны

ходить часто. Может, кто заметит терпящее бедствие яхту, возьмет на борт? Или хотя бы на буксир? Здешнее море маленькое, куда ни плыви – скоро в берег уткнешься. Но болтаться даже несколько дней без воды – удовольствие небольшое.

Слева и справа он ничего не обнаружил, впрочем, как и прямо по курсу. Только белые барашки волн мерно вздымались, сменяя друг друга. Зато когда он обернулся и посмотрел назад, то глазам своим не поверил. Курсом на север шел целый караван кораблей. Правда, это были не сухогрузы, а какие-то парусники.

– Леха! – крикнул сержант, оторвал бинокль от глаз и мельком скользнул взглядом по промокнутому ремкомплекту. – Ты глянь! Какие-то яхтсмены. Надо сигнал подать. Ракетницы у нас тут нет?

– Да откуда...

Леха бросил свое занятие, вскинул ладонь к глазам, прикрываясь от солнца, громко хмыкнул, выхватил у друга бинокль.

– Везуха! – подтвердил он, приглядевшись – Я же говорил, сержант, не пропадем. Только откуда здесь столько парусников, регата что ли?

– Да какая на хрен разница? – Федор забрал бинокль обратно. – Регата – это тоже хорошо. Не дадут же они пропасть братьям-яхтсменам. Вяжи быстрее свои веревки, надо выйти на их курс, а то мимо пройдут и не заметят. Ишь как быстро

чешут. На всех парусах!

– Ясен перец, быстро, – подтвердил Леха, довязывая последний узел и осторожно поднимая парус, – ветер-то попутный.

Едва он это сделал, как парус наполнился ветерком, и лодка ощутимо качнулась вперед. Мачта натужно скрипнула. Федор с опаской на нее посмотрел, но, к счастью, ничего не отвалилось. Леха прыгнул к рулю и постарался выправить нос лодки так, чтобы он пересекал курс приближавшихся парусников. Минут через сорок расстояние между ними сократилось примерно до мили.

– Давай-давай, – подбодрил Чайка рулевого, – еще немного и будем рядом. А там нас сразу заметят. Если еще не разглядели.

Он в нетерпении вскинул бинокль – силуэты «яхт» тут же выросли в несколько раз. Но что-то с этими кораблями оказалось не так. Были они какие-то неправильные, несовременные. Даже для парусников.

Федор смотрел на них минут пять, не отрываясь, и вдруг поймал себя на мысли, что похожие суденышки видел, и не один раз. Но не в море, не в порту у причалов или в репортажах о гонках. Он видел что-то похожее в книгах. В справочниках по истории античного флота.

Кораблей он насчитал ровно шесть. Первые четыре имели относительно короткие, почти круглые корпуса и по одной вертикальной мачте с прямоугольным парусом. Еще один па-

рус висел спереди, на наклонной мачте. Присмотревшись к корме первого из судов, Чайка понял, что «нормального» руля там нет, а есть только рулевое весло. Даже два. По одному с каждой стороны. Парусники эти были довольно большими. На глаз не меньше тридцати метров. Не танкер, конечно, и не сухогруз. Но все равно, махины изрядные. Не лодки для прогулок.

Но главный шок он испытал, когда перевел бинокль на замыкавшие караван суда. Они шли парой, одно за другим, и длина каждого почти вдвое превышала размеры головных. С виду они смахивали на самые настоящие квинкеремы⁵. Или пентеры, как их еще называли древние мореплаватели. Не самые маленькие, даже для нынешнего времени, боевые корабли. А по античным меркам это вообще были пятипалубные линкоры, на которые даже не всегда ставили тараны, поскольку на борту хватало метательных машин, чтобы уничтожить вражеское судно задолго до того, как оно успеет приблизиться.

Две мощные мачты, с прямоугольными парусами, наполненными ветром и увенчанными штандартами с изображением диска и полумесяца, влекли пентеры вперед. Чайка

⁵ Квинкерема (Пентера) – (от латинских *quinque* – пять и *remus* – весло) – имевшая, как видно из названия, пять рядов весел с каждого борта. Хотя исследователи расходятся во мнении по этому вопросу. Экипаж: 300 моряков и гребцов плюс 120 пехотинцев (но некоторым данным пехотинцев тоже было до 300 человек). Скорость – 3–4 узла. Вооружение: таран и метательные машины. Именно с копирования этих карфагенских кораблей началась история римского флота.

помнил, что у них должны быть и весла, причем в несколько рядов. Сколько именно, сейчас не разобрать: все порты задраены. Над самой водой что-то тускло поблескивало вдоль всего грандиозного корпуса, заканчивавшегося кормой в виде загнутой вверх и вперед балки, слегка напоминавшей хвост не то животного, не то рыбы. Присмотревшись, Федор с удивлением понял, что это металлические плиты – бронирование от таранного удара. А на носу, на выступавшей вперед на несколько метров балке угадывался и сам таран.

Федор перевел взгляд повыше – на палубе вдоль поручней были закреплены овальные щиты. За ними сержант с трудом, но различил несколько человек в доспехах. Видимо, капитан корабля и его помощники. Или командир морпехов, отряд которых неизменно входил в команду подобного корабля.

– Ни черта не понимаю, – пробормотал Чайка, отрываясь от бинокля.

– Ну, что там видно, сержант? – уточнил Леха. – Иностранцы?

– Не уверен. Больше всего это похоже на античный караван грузовых судов под охраной военных, – пробормотал ошарашенный Федор. – Может, киношники? Тогда точно не наши. У наших на такую декорацию денег не хватит. Проще на компьютере нарисовать...

– Может, клуб любителей древних кораблей? – неожиданно высказал здравую мысль Леха, не меняя курса. – Сей-

час таких немало. Забугорные в основном. Я слышал. Строят черте что за бешеные деньги, сами в доспехи разные наряжаются, а потом рассекают на деревянных баржах по морям, что твои древние греки. Рекорды устанавливают. Выясняют, может эта посуда плавать или сразу потонет? – он даже сплюнул за борт. – Хотя, нам-то какая разница? Главное, чтобы до Туапсе дотащили, а не к себе за границу.

– Ну да, – рассеянно согласился Федор, вцепившись в борт и припоминая, где он мог видеть этот штандарт с диском и полумесяцем⁶? В Риме, кажется, таких не было. В Греции тоже. Но с уверенностью он сказать не мог. Не настолько хорошо успел изучить вопрос.

Между тем, они сближались с этим странным караваном и даже слегка его обгоняли. Леха прикинул на глаз скорость, с которой они шли, и выдал расчет:

– Успеем. Аккурат на первые корабли выходим, если не свернут. Скоро войдем в контакт. Давай маши руками, сержант, а то вдруг не заметят?

Он посмотрел на приближавшиеся корабли, облизнул соленые губы и, как ни в чем не бывало, продолжал держать курс. Похоже, Леху совсем не волновал их странный и вычурный вид. Корабли как корабли. С парусами – и ладно. Грести не придется. Федор даже позавидовал полному от-

⁶ На изображениях карфагенского гребного судна, сделанных на скульптурных памятниках и на карфагенских монетах того периода, есть штандарт, увенчанный диском и полумесяцем. Этот символ встречается очень часто. Есть все основания полагать, что он был штандартом Карфагена.

сутствию воображения у своего друга. А вдруг они сейчас участниками киносъемок окажутся? Или масштабной инсценировки? Или вообще во время шторма в далекое прошлое провалились? Вот уж тогда точно смешно получится...

Когда до квинкерем оставалось не больше сотни метров, их, наконец, заметили. Федор отчетливо разглядел трех черноволосых и бородатых мужиков, стоявших у ограждения на борту «грузовика». Одетые в серые балахоны, они с интересом разглядывали тельняшки изможденных морпехов – синие-белые полосы морской души. Единственное, что осталось на друзьях из военной формы.

Первый корабль на полном ходу прошел мимо, не смотря на дикие крики, которые издавали оба друга, и яростное жестикулирование.

– Подойди ближе, – неуверенно посоветовал Федор, хотя лодку с развернутым парусом любой раззява не проглядел бы даже ночью.

Леха выполнил приказ и приблизился еще метров на пятьдесят, а потом даже свернул на параллельный с караваном курс. Но неизвестные мореплаватели, с интересом разглядывавшие морпехов, желания помочь незадачливым рыбакам не выказывали. Второй и третий «сухогрузы», разрезая килем волны, также величаво прошествовали мимо к неведомой цели.

– Черт побери, – не выдержал Леха, когда четвертый корабль родил мощную волну, на которой их лодка вознеслась

вверх на несколько метров, — да они что слепые, что ли? Пялятся на нас и хоть бы кто притормозил. Сволочи нерусские!

— Может, у них приказ, — безрадостно заметил Федор, — никого на борт не брать.

— Да что они там везут, золото что ли? — заерзал Леха у руля.

— Кто их знает, — ответил Федор, разглядывая приближавшуюся квинкерему, — может, и золото. Не зря же с ними охрану послали.

— Какую охрану? — вскинулся Леха.

— Да вот этот корабль, со щитами на борту, — показал Федор. — Это военные.

— Сержант, ты перегрелся? Какие военные? Это же парусники! — Леха привстал и заорал, бросив руль: — Эй, братишки! Не дайте погибнуть!

Но, заметив, что мощный корабль, вспарывавший волны тараном, над которым виднелись огромные раскосые глаза, намалеванные на обшивке носовой части, тоже не собирается замедлять ход, снова схватился за руль и крутанул его в сторону. Лодка, повинуясь, вильнула и пошла поперек хода квинкеремы.

— Уж теперь точно заметят, — мстительно пообещал дембель.

Военный корабль приближался. Между ними было не больше сорока метров, когда лодка морпехов оказалась прямо перед ним по курсу. Еще немного — и массивный корпус

навалятся, раздавит их утлое суденышко, словно каток лягушку. Но Леха и не думал сворачивать. Даже наоборот, повернулся к приближавшемуся судну кормой.

– Ты чего творишь? – рявкнул Федор. – Он же нас в щепки разнесет! Уходи с курса!

– Ни хрена! – заявил Леха. – Пусть давит, сволочь! Или на борт возьмет.

На высоко вздернутом носу квинкеремы, возвышавшемся над водой на несколько метров, действительно началась суматоха. Их заметили. Но произошло совсем не то, на что рассчитывал Леха. На площадке, находившейся сразу за высоким носом, появились двое лучников в кожаных куртках. Они быстро натянули тетиву своих луков и тут же в борт лодки, в десяти сантиметрах от левой ноги рулевого, с мокрым стуком впились две стрелы. Лучники выждали несколько секунд и снова взялись за свое оружие.

– Это предупредительный! – дошло до Федора. – Сворачивай, а то убьют к чертовой матери! И так дойдем, на своем парусе.

Леха, увидев стрелы в реальной близости от голени, мгновенно осознал угрозу и навалился на руль. Спасать их, похоже, никто не собирался. Не убили бы – и то ладно.

– Хорошо стреляют, сволочи, – заметил он, оглядываясь на странные суда с не менее странной командой.

В последний момент лодка соскользнула с тарана квинкеремы, отброшенная боковой волной. Над головой промельк-

нули доспехи, щиты, несколько скуластых лиц. Боевой корабль неизвестной страны прошел мимо, оставив их за кормой, над которой возвышалась какая-то палатка. Но и оттуда за ними наблюдали. Несколько облаченных в доспехи человек, с выделявшимся среди них седовласым и бородатым в серо-синем одеянии. Доспехов на нем не было. Зато была золотая цепь на груди с какой-то бляхой или амулетом. Она так сверкала на солнце, что Федор заметил ее даже с расстояния в сотню метров.

– Обезьяны зажратые! – погрозил кулаком Леха, вставая во весь рост. – Ну, попадитесь вы мне. Я вас на куски порву! Бросили помирать, сволочи, посреди моря.

Он даже хотел снять штаны и продемонстрировать им то, что является у американцев самой важной частью тела, и даже взялся за ремень, но Федор его удержал, указав другой рукой куда-то назад.

– погоди, – проговорил сержант, – сейчас тебе представится такая возможность.

Леха перевел взгляд в указанном направлении. Замыкающий корабль – такая же квинкерема – немного отклонилась от курса, направляясь к ним. Паруса на корабле уже спустили. Затем до морпехов долетел какой-то пронзительный свист, а следом окрик. В бортах открылись многочисленные порты и оттуда выскользнули, погружившись в воду, длинные весла, образовав один сплошной ряд от носа до кормы. Несколько целенаправленных взмахов целого леса весел – и

корабль оказался почти рядом с лодкой.

– Да пошли они в жопу, – вдруг решил Леха и снова взялся за руль, – Психи какие-то. Сами выберемся.

– Это точно, – кивнул Федор. – Да только удрать нам, похоже, не светит. Шустрые ребята.

– Ничего, пусть догонят на своих лопатах, – заявил Леха, снова бросая лодку поперек курса квинкеремы.

Набрав парусом ветер, суденышко пошло на удивление ходко. Так быстро, что, проскользнув на полном ходу прямо перед носом корабля, развернулось и нахально еще раз пошло в десятке метров от форштевня. Леха умудрялся даже вилять из стороны в сторону, успешно уклоняясь от пролетавших над головой стрел.

– Мазилы! – морпех грозно вскинул кулак, заложил очередной вираж и снова вытянул руку с фигой в сторону лучников и нескольких мужиков в доспехах, столпившихся на носу догонявшей их на веслах квинкеремы. – Не родилось еще удалцов, чтобы Леху Ларина и Федора Чайку живьем взять!

Федор бросил взгляд на остальной караван судов – тот шел своим ходом, не обращая внимания на гонки. Видимо, его хозяин решил, что одной квинкеремы вполне хватит, чтобы разобраться с утлой лодчонкой каких-то сумасшедших моряков. Однако лодка этих самых моряков продолжала закладывать виражи, успешно уходя от преследования.

– Что, взяли?! – морпех старательно подкопил слюны и

выразительно харкнул в сторону неповоротливого врага. — Больше не увидимся!

Ларин резко, с глубоким креном, переложил руль на левый борт, уходя от квинкиремы под ветер — и в этот миг громко хлопнул один из шкотов. Обрывок веревки свистнул над головой, парус заполоскался, лодка качнулась с боку на бок — раздался предательский треск, и мачта, преломившись у основания, рухнула в воду вместе с парусом. Палуба ушла из-под ног, Чайка потерял равновесие, взмахнул руками, падая на спину, и окунулся в воду.

Федор очнулся от скрипа. Он лежал на какой-то дерюге со связанными руками и ногами. Прямо над ним, буквально в метре, поскрипывали и прогибались доски, по которым расхаживал кто-то тяжелый. В глаза посыпалась просмоленная труха, которой были законопачены пазы, и сержант зажмурился.

Голова болела. Глаз тоже. А что еще ожидать, когда тебе вместо рукопожатия, шерстяного одеяла и рюмки водки, полагающейся спасенному в море, без лишних разговоров въезжают в глаз оголовьем короткого меча? Потом связывают и бросают в узкий кубрик где-то на самом дне мокрого трюма, в котором кроме вонючих мешков с какой-то тухлятиной и крыс ничего нет. В общем, мирно войти в контакт с «киношниками» у морпехов как-то не получилось. Но на борт неизвестного корабля они все-таки попали. Хотя и не так, как рассчитывали вначале.

Мокрых рыбаков, вцепившихся в брошенную сверху веревку с узлами, втащили на палубу квинкеремы и, прежде чем они хоть что-то успели рассмотреть, оглушили крепкими ударами по голове. Точнее – попытались. Но не зря ведь морпехи срочную служили. Сдаваться были не приучены. Даже усталый, в неудобном спасжилете, Федор успел разбросать троих мужиков, одетых в темно-синие кожаные доспехи с металлическими пластинами на груди. Но четвертый все же достал его, точным ударом массивной рукояти в бровь. Хорошо, не в висок.

За время ближнего боя Федор успел заметить короткую схватку в исполнении рядового, саданувшего ребром ботинка по колену ближайшего «спасителя». Еще одного Ларин вышвырнул за борт в полном боевом облачении и, отбиваясь затем сразу от троих, орал при этом благим матом:

– В очередь, сукины дети! Я вам покажу морскую пехоту!

Однако «киношники» взялись за щиты, прижали бравого солдата к борту, оглушили древком копья, связали и бросили в трюм корабля, догоняющего остальной караван.

Леха опять очнулся вторым. Подергался, попытался освободиться от веревок, но вскоре затих. Понял, не судьба. Спеленали пленников на совесть, вполне профессионально. Потом заметил Федора, подкатился ближе, изловчился и прислонился спиной к борту в двух шагах.

– Как думаешь, сержант, что это за мужики? – спросил Леха, перекосившись на бок и сплюнув кровавую слюну. –

На богатеньких любителей истории не сильно похожи. Больно ловко дерутся.

При «спасении» ему, кажется, выбили пару зубов, и он теперь сильно шепелявил. Но от этого не выглядел особенно расстроенным. И сразу было видно, что намеревался вернуть должок обидчикам при первом же удобном случае. У Федора зубы остались целы. Повезло. И, в отличие от Лехи, он в драке много не разговаривал. Просто валил «киношников» одного за другим, пока самого не свалили.

– Да и вообще, где это мы? – продолжал изумляться Леха. – Больно странно все как-то. Ни фонарей не видно, ни антенн, ни лебедек. Ладно, пусть они древнюю баржу восстановили. Но без сигнальных огней все равно ходить нельзя, правила навигации запрещают. Обязаны быть. На носу, на мачте, на корме. Кто этих кретинов вообще из порта выпустил?

– Не знаю, – ответил Федор, преодолевая головную боль. – Главное, мы на корабле. Время покажет...

Он прислушался. К методичным скрипам шагов над головой добавился резкий переливчатый свист, словно кто-то дул в боцманскую дудку, затем скрежет дерева о дерево и отчетливый всплеск. Совсем рядом. Затем корабль замедлил ход.

– На весла перешли, – заметил сержант, – видать, берег близко.

Судя по всему, прямо над ними располагалась одна из палуб, где сидели гребцы. И было их немало. Когда квинкерема

перешла на весельный ход, палуба задрожала от синхронных движений десятков накачанных тел. А массивный корабль стал рывками продвигаться вперед.

«А действительно, – подумал как-то отстраненно Федор, в ушибленной голове его сами собой всплывали отрывочные сведения из истории древних войн, – где это мы? Уж, не к солдатам ли Карфагена в плен попали? Но откуда они, черт побери, взялись посреди Черного моря? Хотя, если на то пошло, насчет названия моря тоже нельзя ручаться».

– Как думаешь, командир, – не унимался Леха, прерывая его размышления, – эти психи нас сразу повесят или еще пытать будут? Они могут. Видел, какие у них рожи? Опять же, если нас отпустить, мы их в ментуру сразу сдадим. Напали в море на честных рыбаков, захватили... Федь, а может, это пираты? Хотя, на парусниках – вряд ли. Кого они догонят на паруснике? Да и стоит он как сотня скоростных катеров. Это кто-то богатенький балует. Грохнет, за борт выбросит, и никаких концов. Такие что хочешь сотворят, ничего не побоятся. Если что – адвокаты всегда отмажут.

– Не знаю, – ответил Федор, пытаясь вспомнить, как выглядела палуба корабля. Ничего не получалось. В памяти всплывали только руки, ноги, фигуры. Некогда было в драке оглядываться. Захват, контакт, рывок, бросок или удар. – Вроде, и вправду никакого современного оборудования не было.

– И я про то же. Как их вообще в море выпустили?

– Это квинкеремы, Леша, – опять закрыл глаза Чайка. – Тут каждой экипаж в триста рыл. Слышишь, как гребут? А психов, чтобы через море на веслах в древних посудинах плыть, я думаю, во всем мире и сотни не наберется. Да еще весь экипаж в доспехах, все аутентично, ничего современного, мечи-щиты-копья... Шесть кораблей. Это не киношники, Леша. И даже не реконструкторы. Полторы тысячи любителей Карфагена в одном месте?! Которые работу бросили, семью, пиво, телевизор, компьютеры и теперь веслами ради кайфа машут?

– Ты это к чему, сержант?

– Если это не киношники и не реконструкторы, то остается одно... Квинкеремы настоящие. И приплыли из Африки.

– Ты хочешь сказать, они из прошлого в наше время перенеслись? – зашебуршал ногами морпех. – Во влипли мужики!

– В наше время? – повернул голову Чайка. – Про такой вариант я не подумал.

– А про какой тогда?

– Про тот, при котором виселицы тебе можно не бояться. Потому, как нас обоих просто в рабство продадут.

– Я в рабстве не смогу, – ответил Леха. – У меня характер не тот. Я сбегу.

– А куда ты денешься, если тебе сухожилия подрежут? – успокоил его начитанный сержант. – Или, например, глаза выколют?

– А что, могут? – не поверил Леха.

– Запросто, – подтвердил Чайка. – Нравы тогда были веселые. Покруче, чем в Гуантанамо, люди на пленных отрывались.

Тут с палубы раздался уже знакомый свист и сразу вслед за ним мягкий толчок. Движение судна замедлилось, а затем и вовсе прекратилось. Вместе с движением замерла и качка. Мощнотелая квинкерема остановилась, судя по всему, уткнувшись носом в какой-то причал. С плеском рухнули в воду якоря.

Друзья прислушались к происходящему над их головами. Одни звуки наверху сменились другими. По палубе кто-то забегал, застучали подошвы сандалий по лестницам, во многих местах пронизывающим большой пятипалубный корабль. Послышался разговор на неизвестном наречии. Федор напрягся. Все это походило на съемки исторического блокбастера. И выглядело бы интересно, если бы ты сам находился в уютном кинозале с бутылкой лимонада и ведром воздушной кукурузы, похрустывая сладкими хлопьями в ожидании увлекательной развязки. А не лежал избитым и связанным на дне боевого судна, которое бороздило воды неизвестно какого моря неизвестно с какой целью. И судьба твоя не висела бы сейчас на волоске.

Новый скрип возник совсем близко. Дверь отворилась, в узкий кубрик протиснулись два стражника в доспехах, шлемах с гребнями из перьев и короткими мечами в руках.

Ближний воин опустился на одно колено, резким толчком перекатил Федора на бок и распорол веревки на ногах. Затем проделал то же самое, но осторожнее, с Лехой. Встал и красноречиво взмахнул мечом в сторону двери.

– Вот сейчас и посмотрим, кто из нас где, – пообещал Федор, с трудом поднимаясь и разминая затекшие ноги. А придвинувшись к двери, попросил на всякий случай. – Ты только погоди, не делай резких движений.

– Каким местом? – огрызнулся морпех. – У меня даже голова затекла.

Глава четвертая

Снова в Крыму

По узкой деревянной лестнице, ужасно скрипевшей при каждом шаге, они миновали несколько палуб с отдыхающими гребцами в набедренных повязках и поднялись на верхнюю. Лестница эта, где с трудом могли разойтись два вооруженных воина, судя по всему, находилась как разнад килем, ближе к корме. А корабль, как ни крути, был самый настоящий. Длинный деревянный корпус, борта с хорошо подогнанными досками, палуба с законопаченными щелями и мощные шпангоуты. Больше ничего Федор заметить не успел. Его пинками выгнали наверх.

Оказавшись там, сержант зажмурился от яркого солнечного света, а немного попривыкнув, стал разглядывать окружающую обстановку. Леха тоже щурился. Они стояли на кормеквинкереме, рядом со второй мачтой. Паруса на корабле были спущены. Матросы заканчивали скатывать их в огромные рулоны. Позади пленников возвышалась какая-то натянутая на каркас из реек палатка или навес, под которым находилась шлюпка. Вдоль обоих бортов, на поручнях галереи, были развешаны овальные щиты. А впереди, чуть поодаль, сержант разглядел два устройства с системой рычагов для натяжения тетивы мощного лука на корабельных баллистах. Одно орудие было развернуто носом на левый

борт, другое – на правый. Там же, у правого борта, несколько матросов прилаживали сходни. Судя по всему, корабль достиг конечной цели своего путешествия, и стоянка предстояла долгая.

Федор бросил взгляд на близкий берег, показавшийся ему знакомым. Низкая прибрежная полоса, через сотню метров постепенно переходящая в ярко-желтые скалы, разрезанные уходящим в глубь каньоном и покрытые сочной растительностью. В основном это были пихты с кривыми стволами, цеплявшиеся за каменистую почву, и можжевельник. Все эти растения источали дурманивший аромат под лучами яркого солнца. Погода стояла отличная. Загорай да купайся, если ты на свободе.

– Сержант, – неуверенно проговорил Леха, – а мы, кажись, опять в Крыму. Родная земля. Только одеты все как-то не по-нашему. Может, татары?

– Поглядим, – туманно ответил Федор, покосившись на охранников и продолжая озираться по сторонам.

Прямо перед скалами раскинулась большая пристань, сложенная из крепкого и, вероятно, продубленного бруса, с несколькими, грубо сработанными местами для стоянки судов, где надежно расположились и уже разгружались все торговые корабли этого странного каравана и еще пять неизвестных судов.

Похоже, они оказались в кипящем жизнью порту, зажатом с двух сторон горными отрогами. До Туапсе с его ги-

гантскими сухогрузами, конечно, здешней бухте было далеко. Даже для грозных квинкерем причальные сооружения были низковаты. Но зато глубины в бухте хватало, это главное. А отсутствие механизмов восполнялось наличием мускульной силы — к грузовым кораблям протянулась живая цепочка из накачанных грузчиков, одетых только в холщовые штаны. Их голые спины, пока они поднимались по деревянным сходням, блестели на солнце, а когда возвращались обратно, уже были закрыты всевозможным товаром. Приседая под тяжестью, грузчики перетаскивали на берег какие-то туки, ослепительно сверкавшие золотыми нитями, видимо, дорогие ткани и украшения. В том же направлении следовали огромные глиняные сосуды-амфоры с несколькими ручками, бивни слонов и еще множество различных предметов, разглядеть которые издала Федор просто не мог. Трюмы судов каравана постепенно опустошались.

Проследив путь грузчиков по берегу, сержант увидел, что там же, где на глазах росла гора товаров, находился просторный шатер. Через полуприкрытый пологом вход виднелась часть большого стола, уставленного изящными вазами с разнообразными фруктами и несколькими кувшинами, а также плетеное кресло с вальяжно расположившимся в нем и потягивающим вино тем самым седовласым и бородатым мужчиной в балахоне серо-синих цветов с первой квинкеремы. На его голове красовалась высокая шапка, похожая на многоярусный колпак желтого цвета, на груди все так же свер-

кала золотая цепь с неведомым украшением. По всему было видно, что он здесь главный. Сзади, охватывая шатер полукругом, расположились с десятков облаченных в доспехи воинов и еще один лысый, низкорослый и толстый субъект в белой тунике, отиравший рядом со входом.

Но не он привлек особое внимание Федора, а то, что лежало в двух шагах от шатра. Там находился аккуратно снятый с их лодки деревянный руль, который седовласый купец – назвать его иначе сержант не мог – внимательно рассматривал, потягивая вино из бронзовой чаши изящной вытянутой формы.

Глядя, как купец пьет вино, сержант едва сохранял хладнокровие, в горле у него запершило – уже, как минимум, пару дней там не было ничего, кроме соленой воды. Федор закашлялся и даже сплюнул на палубу, за что сзади тут же получил рукоятью меча тычок, придавший ему начальное ускорение и направивший его в сторону сходней. Лехе отвесили такую же плюху, и он напрягся, но, поймав предостерегающий взгляд сержанта, сдержался. Хотя ему это далось нелегко.

Рискуя упасть в воду, друзья спустились на пирс по узкому, метровой ширины, трапу с натянутой вдоль боковой кромки веревкой. А оттуда их пинками погнали напрямик к шатру. Судя по всему, приближался момент истины.

Едва пленники приблизились к шатру, охранники выступили вперед и сомкнулись, встав двумя плотными группами

по бокам от входа и положив руки на рукояти коротких мечей – «уважают, сволочи», промелькнуло в голове у сержанта – а из спасительной тени выступил лысый и толстый субъект, оказавшийся переводчиком. Глядя на стоявших на самом солнцепеке со связанными за спиной руками Леху и Федора, он проблеял что-то на незнакомом наречии. При этом лысый, обливаясь потом, указывал на руль.

Вопрос был, в принципе, понятен и без перевода, а вот язык – нет. Поэтому Чайка, не мудрствуя лукаво, ответил на родном – чем черт не шутит, вдруг этот толстый – полиглот? – Да руль это, – выдавил из себя сержант, сглотнув слюну, – обычный руль.

Лысый толстяк в белой тунике скользнул мгновенно затуманившимся взглядом по рваным тельняшкам морпехов и растерянно посмотрел на купца. Видимо, такого языка он не знал.

Пока переводчик придумывал новый вопрос, Федор изучал доспехи стоявших перед ним воинов. Не смотря на жару, все были одеты в темно-синие кожаные панцири с нашитыми на них металлическими пластинами-бляхами, богато украшенными чеканкой. На центральном из нагрудных щитков сержант разглядел тот же символ, что и на штандарте корабля – диск и полумесяц. От пояса почти до колен воинов защищало некое подобие юбки из кожаных ремней. На ногах – сработанные на совесть сандалии с толстой подошвой. Железные поножи, обычно прикрывавшие икры, отсут-

ствовали. На головах сверкали начищенные шлемы, надежно прятавшие даже шею и щеки. Поверх шлемов красовались гривы из красных перьев. Щитов при них не было, зато сбоку у каждого висел короткий меч. Судя по всему, вокруг хозяина на берегу собрались не простые вояки, а комсостав. Наверняка, командиры кораблей да начальники морпехов с гребцами. Знакомая ситуация.

Рожами все походили скорее на арабов или ливийцев, чем на европейцев. А может – на греков... но не греки. На римлян тоже похожи, но не римляне. Наверное, если б с сержантом заговорили на латыни, он бы хоть что-нибудь разобрал.

Местный толмач между тем ожил. Он вдруг протянул вперед руку, а другой указал на нее.

– Йод, – отчетливо произнес он.

Федор промолчал, пытаясь уловить смысл. Толмач между тем подошел к одному из воинов и, указав на его меч, сказал:

– Заинн.

– Оружие, что ли? – не понял Федор.

Толмач выслушал ответ и попытался сформулировать новый вопрос. С таким успехом они могли бы долго разговаривать. Но тут вмешался Леха.

– Ты, блин, русским языком можешь объяснить, чего тебе надо? – не выдержал он. – И вообще, чем держать на солнце-пеке, дали бы пожрать и выпить, козлы. А то связали, относятся, как к скотине. А мы, между прочим, российское гражданство имеем! Понял, толстый? Если сейчас же не отпусти-

те нас, то может начаться война.

Лехина речь произвела на толмача неизгладимое впечатление. Он вдруг бросился в шатер и, взяв с поклоном со стола хозяина пару предметов, вернулся к пленным. Снова что-то визгливо вскрикнул, сунув им под нос знакомые до боли компас и бинокль.

– Да, – кивнул Федор, – это наши вещи. Вот эта, с линзами, биноклем называется, в нее смотреть надо. А вот это, со стрелкой, компас. Если вы мореходы, то и сами должны знать, на кой черт все это надо.

– Да чего ты с ними объясняешься, – опять встрял Леха. – Они же ни хрена не понимают. Дикари.

Он слегка понизил глосс и добавил:

– Слушай, сержант, давай попробуем отметелить их одними ногами. Я уже, кажется, в норму пришел. Главное первый ряд повалить, до меча добраться, руки освободить, а там рванем в горы, вообще никто нас не догонит.

Он выразительно мотнул головой в сторону кораблей.

– Я, кстати, вон там, в порту, нескольких конных видел. Если повезет, можно и лошадьми разжиться. Я ездил пару раз, удержусь как-нибудь в седле.

– Ага... А остальные ждать будут, пока мы из веревок выпутаемся? – охладил его пыл Федор, глядя на хитрого бородача в шатре, который делал вид, что разговор переводчика с пленными его совершенно не интересует, хотя на самом деле держал уши торчком. – Потерпи, еще не вечер. Пока мы

караванщику нужны, бояться нечего. Они компас и бинокль первый раз в жизни видят. Теперь не уймутся, пока не поймут, что за чудо.

Стоявший рядом бесполезный переводчик не перебивал их, напрягая изо всех сил слух. И вдруг огорошил друзей неожиданно знакомой фразой.

– Толмачить, – заявил он друзьям, просияв, и ткнул себя пальцем в грудь. – Прозывать Акир. Я плохо знать ваш язык. Вы приплыть север?

– Ну, кому север, – философски заметил Федор, – а кому и самый юг.

– Ты гляди, полиглот, что-то разобрал из нашего базара, – удивился Леха и тут же заявил. – Мужик, нам бы пожрать.

Но Акир, не обращая внимания на просьбу голодного морпеха, указал в сторону шатра и с благоговением произнес несколько слов, в конце которых раздалось нечто, очень похожее на имя: Магон. Все остальные звуки, вероятно, означали, что Леха и Федор теперь пленники этого самого Магона, а также перечисляли его многочисленные титулы. При этом человек в шатре встал и с чашей в руке приблизился к ним.

На вид их «господин» был немолод, примерно лет под пятьдесят. Седые длинные волосы на голове выбивались из-под высокого колпака, делавшего его немного похожим на звездочета из сказки. Пышная борода ниспадала на грудь, едва не закрывая золотую цепь с непонятным знаком. Его

балахон из дорогой ткани имел короткие рукава и перетягивался на животе богато расшитым поясом. Руки Магона изнеженными не казались. Напротив, они были довольно мускулистыми и даже огрубевшими, словно их хозяин постоянно упражнялся с мечом или не выпускал из рук тятки, проводя дни напролет в огороде. Единственное, что напоминало о хорошем достатке – несколько массивных золотых и серебряных перстней на каждой руке. Все они сверкали драгоценными камнями. Ни дать, ни взять – купец первой гильдии, только на восточный манер.

Приблизившись к пленникам, Магон что-то коротко спросил у Акира. Тот быстро кивнул в ответ. Неторопливо отпив вина, Магон скользнул взглядом по лицу Лехи, на котором играла наглая ухмылка, помедлил немного и вперил пронзительные зрачки черных глаз в сержанта, словно стараясь просверлить его насквозь. Федор выдержал этот взгляд, казавшийся тяжелым, изучающим, но не очень свирепым, словно его обладатель считал пленников не экзотическими морскими странниками, помешавшими его свободному перемещению, а странными зверьками. Собственно, для купца сейчас они таковыми и являлись, если принять на веру, что морпехи непостижимым образом покинули свое время.

– Ну, чего уставился? – не выдержал Леха. – Давай, решай быстрее. Пан или пропал. Устал я тут стоять.

Ближайший воин, услышав непочтительные нотки по отношению к хозяину, уже поднял руку, чтобы наказать строп-

тивного пленника, но тут из-за шатра послышались крики и конское ржание. Магон обернулся на звук, махнув рукой охраннику, чем немедленно вернул его на место.

Со стороны гор к шатру неторопливым аллюром приближался вооруженный отряд каких-то кочевников на лошадях. Человек тридцать. Все в чешуйчатых панцирях, блестящих на солнце, словно рыба чешуя. Округлые шлемы закрывали голову до самой шеи. Навершия их украшали пучки длинных волос, трепетавшие на ветру и похожие на конские хвосты. Все всадники щетинились копьями. Сбоку у каждого был приторочен двояковогнутый лук и богато отделанный колчан со стрелами.

– Это еще кто? – удивился Леха. – Монголы, что ли?

Федор пригляделся, пытаясь вытащить из памяти все, что знал о кочевниках, обитавших в районе Крыма в те незапамятные времена. Получалось, что навестить их решили, скорее всего, скифы, скоты, хотя о скифах он имел слабое представление. Вполне мог и ошибиться.

– Нет, Леха, это, кажись, скифы, – Федор покосился на охранника. – Местные кочевники. Видишь, какие у них луки?

– Вижу, – прищурился Леха, хотя рассматривать всадников становилось с каждой секундой все легче, поскольку они приближались к шатру. Впереди скакал самый крепкий на вид, наверняка предводитель этой орды. – Но откуда в Крыму скифы, у нас же татары обитают, еще батя рассказывал?

– Жуткие ребята, – сержант пропустил его слова мимо ушей. – Все окрестные народы их боялись. Считалось, что из лука стреляют на полном скаку и с обеих рук в любом направлении. Попадают в движущуюся цель больше чем с сотни метров.

Когда главный всадник осадил коня в двух шагах от Магона, стал виден его дорогой колчан, украшенный золотым изображением лежащей лошади с подогнутыми под себя ногами.

– Богато живут кочевники, – заметил на это удивленный Леха, – мне бы так.

Остановив коня, предводитель отряда не стал, как ожидал Федор, спрыгивать на землю, а приветствовал хозяина каравана из далеких земель, не сходя с лошади. Лишь поднял руку в знак уважения, а потом что-то гортанно крикнул, махнув на этот раз ладонью в сторону недалеких скал, словно приглашая купца куда-то ехать. Этот жест тоже был понятен без перевода. Во всяком случае, сержанту показалось, что нить переговоров от него не ускользнула.

Магон что-то ему ответил. Похоже, они встречались не в первый раз и понимали друг друга без переводчика, временно оставив не у дел лысого человека в белой тунике.

Пока гость – Федор все более убеждался, что видит именно скифа – размахивал руками и что-то втолковывал Магону, сержант разглядывал его одежду и вооружение. А также остальных всадников, что молча сгрудились за его

спиной, образовав полукольцо за шатром. Выбивавшиеся из-под шлемов черные волосы у всех скифов отличались густотой, а лоб представлялся довольно высоким. Нос узкий и прямой. Глаза открытые, вполне европейского разреза. В общем, явно не монголы. Во внешности кочевников не присутствовало ни одной азиатской черты, хотя ничего славянского тоже не наблюдалось.

Кочевники были, судя по всему, настроены дружелюбно, во всяком случае, явно агрессивных намерений не выказывали. Хотя, глядя на старшего, который часто и резко жестикулировал, покрикивая на Магона, Федор не мог отделаться от ощущения, что повадками тот сильно напоминал его друга, стоявшего сейчас рядом.

Столковавшись наконец о чем-то с хозяином каравана, старший скиф издал боевой клич, и весь отряд, сорвавшись в галоп, умчался в сторону гор, быстро исчезнув в каньоне.

Закончив переговоры, Магон сразу же изменил свои планы. Решение судьбы пленных морских пехотинцев откладывалось. Купец подал знак охранникам. Ближайшие придвинулись к пленникам, ударили их под колени, повалили на землю и моментально спеленали ноги кожаными ремешками.

– Я же тебе говорил, Федька, – извивался Леха, ерзая на камнях, – бежать надо было. А теперь все, пиши, пропало. Чует мое сердце, продадут нас сейчас в рабство к твоим скифам. На хрена им с нами возиться, верно?

– Расслабься, – посоветовал Федор, – с нами еще ничего не решили. Так, временная заминка. А рабов у них нет. Ну, почти нет. Но, не потому, что они такие добрые – маму родную зарежут, глазом не моргнут. Просто рабов трудно использовать в кочевом хозяйстве.

– Да? – удивился Леха, – Значит, в школе ввали, что у татар русские рабы сотнями тысяч томились? Везде жулье. А бежать надо было сразу. Теперь, может, еще хуже станет.

Через десять минут, проведенных морпехами в положении лицом вниз, к шатру подвели нескольких лошадей. На одну из них, с богато украшенными удилами и расшитой золотом попоной, сел сам Магон, вольно расположившись в удобном седле. Еще на четверых лошадей взгромоздились ближайшие военачальники. А на круп последней лошади, ничем не украшенной, солдаты забросили обоих морпехов со связанными конечностями. Магон, видимо, решил взять их с собой.

Вскоре к шатру подъехала небольшая процессия из трех повозок, запряженных крепкими низкорослыми лошадами. На первую телегу погрузили шатер. Две других наполовину заполняла какая-то мешковина. От кораблей подошел отряд пехотинцев, примерно из сорока человек, со щитами, мечами и копьями. Дружба дружбой, но охрана у Магона, похоже, дело свое знала туго. И Федор начинал понимать, что права здесь, вероятно, были только у того, кто мог подкрепить их мечом и копьем.

Магон тронул коня, направляясь к каньону. Построившись в колонну по трое, отряд быстрым шагом двинулся за своим хозяином. Повозки замыкали небольшую колонну на марше. Путь лежал по узкой дороге, которая петляя, шла все время вверх. И морпехи то и дело сползали по потной лошадиной спине, рискуя упасть и что-нибудь себе сломать. Но следовавшие за лошадью два бойца следили за тем, чтобы груз не попортился раньше времени. Посему Леха и Федор могли не опасаться падений. Во всяком случае, на время пути.

Скоро они поднялись из каньона на каменистое плато, и дорога стала ровнее. Стояла удушающая жара. Лошадь ужасно воняла. Оба морпеха быстро пропитались её потом и не знали, как заткнуть себе нос, чтобы их не стошнило. Кроме того, хребет у лошади оказался очень жестким и давил обоим на грудь.

– И какого хрена он нас с собой потащил? – ругался Леха, тем не менее, пытаясь время от времени поднять голову и осмотреться по сторонам. – Оставил бы на корабле. Наверняка в подарок везет. Хану местной орды.

– Может, и так, – согласился Федор, тоже пытаясь обозревать окрестности из положения вниз головой, – а может, у него привычка такая – возить всех с собой. Хотя, думаю, он отлично запомнил, как мы с тобой расшвыряли его бойцов после того, как оказались на борту корабля. Поэтому и предпочитает держать пока при себе.

– От греха подальше, – хохотнул Леха и закашлялся. – Это он верно делает. На корабле у нас хватило бы времени подумать. Глядишь, вернулся бы, а нас уже и след простыл.

– Мечтай, мечтай, – охладил его Федор, – мужик, видно, тоже не вчера родился. Приковали бы нас там, как Прометея. Хрен дернешься.

Охрана не мешала пленным обмениваться впечатлениями. Не смущал морпехов и шагавший рядом толстяк в белой тунике, который прислушивался к их разговорам. Общим было ясно, что Акир слабо понимает русский язык двадцать первого века. И уж тем более – ругательства.

Так они двигались уже где-то часа три без привалов. Леха на некоторое время затих, но когда в очередной раз приподнял голову, то увидел, что дорога петляет меж холмов по каменистой равнине, а в стороне от нее раскинулось небольшое озеро с несколькими юртами на берегу.

– Слушай, сержант, – решил он навести справки, – а эти скифы, они откуда здесь взялись? Я хоть почти местный, а только про татар слышал.

– Точно никто не знает. Есть версия, что из степей северного Причерноморья... – с трудом ответил Федор, у которого от висения вниз головой уже давно шумело в ушах, словно он находился в открытом море. – А их предки вообще кочевали на Южном Урале, где-то между Тоболом и Иртышом.

– Сибиряки, значит, – удовлетворенно пробормотал Леха. – Тайга, пушнина, железное здоровье. Это хорошо. Наши

люди.

– Не совсем, – уточнил Федор. – Язык их похож на иранский, а сами они вообще получают чистые арийцы.

– Фашисты что ли? – изумился Леха.

– Да нет, индоевропейцы. Короче, не забивай себе голову всякой ерундой. Кочевники они, просто кочевники.

– А живут эти кочевники где, в юртах? – не унимался Леха. – Избы больше не рубят?

– Ну да, как все кочевники, – ответил сержант. – Хотя, я читал, в поздние времена, когда они на землю все больше оседать стали, да землепашеством заниматься, у них и города в рост пошли.

– А разве у кочевников города есть?

– У кочевников, Леха, не только городов, но и кораблей вроде не должно быть, а тем более портов, – назидательно ответил сержант, – но эти уже только наполовину кочевники. У них и то, и другое имеется, ты их сам видел. Да и мореходами они заделались не хуже греков. Так что и море это, если меня не подводит память, скифским сейчас должно называться.

– Вот это да! – уважительно отозвался Леха. – Они, значит, как мы, моряки в душе?

– А где-то тут, если мы конечно в Крыму, – добавил Федор, – недалеко от нашего Симферополя стояла мощная крепость, Неаполь называлась.

– Сержант, ты ничего не путаешь? – не понял Ларин, –

Неаполь – это же в Италии.

– Вообще-то Неаполем его эллины называли, – терпеливо пояснил Федор, – которые сюда заплывали частенько. А как его сами скифы называли, ни один историк не знает. Вот и получилось, что в Италии был свой Неаполь. А здесь свой – Неаполь Скифский.

– Во, блин, напутали, – не выдержал Леха, – мутные они, твои греки...

Федор не стал защищать эллинов, хотя, если бы не страсть к истории одного заезжего грека по имени Геродот, о скифах было бы известно еще меньше.

Так они двигались до самого вечера, пока не стало смеркаться, и отряд Магона не остановился на ночлег. Для хозяина разбили шатер. Для военачальников и солдат установили палатки, путешествовавшие в разобранном виде на повозках. Выставили караулы. Беседовать с пленниками на сон грядущий купец желания не изъявил, и оба морпеха были ему за это благодарны – полдня, проведенные головой вниз, не располагали к долгим беседам.

Воины быстро развели костер, благо вокруг имелась масса сухих дров – дорога шла по местам, которые Федор определил как лесостепь, переходящую на севере в степь, а на юге уже напоминавшую горы. Приготовили на костре наваристую похлебку в большом котле. После зажарили тушку кабанчика, привезенную с собой в одной из повозок. Федор решил, что мореходы его либо из корабельных запасов при-

хватили, либо уже здесь в порту сторговали.

Аромат свежезажаренного мяса, долетавший до пленников, вызвал спазмы в желудках изголодавшихся морпехов, которым до сих пор даже не дали хлебнуть воды. Не говоря уж о том, чтобы напоить хорошим вином или поднести кусок мяса. Но судьба над ними все же смиростивилась. И вскоре один из приставленных к ним охранников приволок две небольшие глиняные плошки с похлебкой. Прямо к повозке, где морпехам определили место для ночлега. Не на самой повозке, конечно. Там спали солдаты. Им же бросили замызанную дерюгу рядом, чтобы не на сырой земле пришлось ночлежить. И то ладно. Леха и Федор не жаловались. В марш-бросках и не в таких условиях почивали. Да и погода стояла теплая.

Но руки и ноги от пут не освободили. Поэтому и покормили их, можно сказать, с ложечки, только на свой манер. Охранник велел жестом обоим открыть рты. А когда оба выполнили приказ, одним движением влил туда лишь слегка остывшую похлебку. И спокойно удалился, не обращая внимания на дикие вопли, которыми морпехи оглашали окрестности до тех пор, пока боль в обожженном горле не прошла.

Глава пятая

Неаполь скифский

На утро их уже не кормили, но друзьям хватило вчерашнего. После суток вынужденного поста и такая похлебка казалась наваристой. В общем, наелись надолго. А охранники, убедившись, что пленники на месте, снова погрузили их на лошадь. И скоро отряд возобновил движение.

Дорога опять пошла вверх. Иногда им попадались навстречу или обгоняли колонну летучие скифские разъезды. Но все это были, похоже, союзники. Никаких столкновений с ними не происходило, хотя охрана не расслаблялась. Видели морпехи еще несколько стойбищ вдоль дороги, ведущей, судя по всему, к какому-то крупному обитаемому пункту. Количество поселений все увеличивалось, вероятно, предвещающая город, вокруг которого они располагались. Юрты, на первый взгляд, повсеместно сооружались не то из кожи, не то из войлока. Ближко к ним отряд не подходил, с дороги не сворачивал.

Примерно часов через пять, когда копыта лошади застучали по чистому камню, оба морпеха, изогнув шеи, увидели, что их отряд приближается к самому настоящему городу, показавшемуся на ближайшей горе. С посадом и высокими крепостными стенами. Отряд остановился. Морпехов стащили с лошади, поставили поодаль друг от друга и раз-

вязали ноги. Теперь они снова могли идти сами. Охранники подтолкнули Леху и Федора в центр колонны. И, потратив на эти перестроения не больше пары минут, бойцы отряда во главе с Магоном двинулись дальше. Головы у пленников кружились, в ушах шумело, но постепенно вестибулярный аппарат приходил в норму. И, прежде чем отряд прошел через массивные башенные ворота в город, Федор успел спокойно рассмотреть его живописные окрестности.

Судя по всему, это действительно было то, о чем он вспоминал и рассказывал Лехе. Новая столица скифов, перебазированная в эту эпоху с берегов Днепра на берега Салгира. Город выглядел немаленьким, занимал не меньше десяти-пятнадцати гектаров, а то и все двадцать.

Федор осмотрел подходы – место было выбрано не случайно. Долина Салгира подходила для строительства крепости как нельзя лучше. Трассы белокаменных плато, тянувшихся до самых крепостных стен нового города, делали их почти неприступными, что сильно упрощало задачу обороны Неаполя. С севера и запада – город скифов естественно ограничивался крутыми склонами балки. Что находилось в восточной части Неаполя, Федор со своей позиции разобрать не мог, а вот с юга природной защиты не было. Зато там имелась самая мощная оборонительная стена, отсекавшая территорию укрепленного поселения скифов от плато. Эта стена надежно перекрывала путь врагам между обрывом и склоном балки. Впрочем, остальные стены были не хуже.

– Мощный городишко, – заметил Леха, когда, обменявшись с охранниками парой слов, Магон и четверо конных военачальников первыми въехали в город через ворота одной из башен. Обоз с охраной последовал за ними.

– Да, – кивнул Федор, – неплохо для кочевников.

Сразу за воротами находилась площадь, покрытая слоем известковой крошки. Метров тридцати в диаметре. Никаких построек на ней не наблюдалось. Зато с противоположной стороны на площадь выходил фасад очень помпезного здания, выстроенного в чисто греческом стиле. Особый колорит ему придавали два портика, закрытые с трех сторон стенами галереи, потолок которой поддерживался рядами изящных колонн, расположенных вдоль фасада. Около здания и в нем самом, словно прячась за частоколом рукотворных стволов, стояли скульптуры разнообразных греческих божеств, в которых ни Федор, ни тем более Леха не разбирались. Но красота говорила сама за себя. Так что морпехи, ненадолго позабыв о своем положении, даже залюбовались, словно попали в действующий музей. Не ожидали они узреть такого великолепия в этом месте. Больше готовились обнаружить за крепостными стенами кемпинг из многочисленных войлочных юрт.

– Кучеряво живут, – заметил Леха, разглядывая обнаженную натуру греческих божеств.

На площади, замедляя продвижение небольшого каравана, толпилось много народа. Кроме конных скифов, кото-

рые, чудилось, никогда не покидали седла, теперь встречались и пешие. Судя по всему, большинство спешило на торг – чуть дальше по главной улице начинался рынок. И время было самое подходящее для покупок-продаж в такую жару. Федору показалось, что Магон туда и вел свой отряд.

Место для новой столицы, как припомнил Федор, располагалось удачно и в торговом отношении. Город стоял на перекрестке основных путей Крыма: от Перекопа – к Херсонесу и от Феодосии с Пантикапеем – к Каркинитиде. А пути эти совсем не пустовали. Осевшие в Херсонесе и отчасти Боспорском царстве хитроумные греки вели бойкую торговлю, вовлекая в нее воинственных скифов, которые стали все больше тяготеть к оседлой жизни и мореплаванию.

В районе площади, оставшемся позади, находилось еще несколько богатых домов. Крыши этих строений пестрели разноцветной черепицей, стены бугрились камнем, а на балконах Федор заметил штукатурку и кое-где на стенах даже фрески. Местные богатые скифы, как выяснилось, не чуждались культурных изысков.

У широкого въезда на рыночную территорию им повстречался разъезд скифов, среди которых Федор увидел предводителя орды, посетившего вчера берег моря. Магон остановил отряд и, подозвав к себе переводчика, отдал ему какие-то распоряжения. Толстый человечек в белой тунике часто закивал, а затем быстро удалился к телегам, тут же приступив к переговорам с возницами.

Вокруг сновала масса разношерстного народа, запруживая довольно широкие улицы, и Леха взялся уже в который раз рассматривать перспективу бегства, но тут их охрана устроилась за счет подошедших в полном вооружении воинов. После этого половина отряда с повозками повернула в сторону рынка вслед за переводчиком, оказавшимся к тому же еще и приказчиком. А сам Магон со свитой из десяти вооруженных людей последовал за скифским вождем по неведомым делам, даже не оглянувшись на пленников. Их кавалькада усакала в сторону роскошных домов в греческом стиле. «Интересно, – подумал Федор, – о чем это карфагеняне, если это, конечно, они, могут беседовать со скифами. Далековато ведь от метрополии заплыли. На самую границу обитаемого моря».

От мыслей его отвлек Лехин злобный шепот.

– Ну все, Федя, продавать нас ведут в рабство. На рынок идем своими ногами.

Сержант напрягся.

– Не уверен, – проговорил он наконец. – Но если так, попробуем бежать.

– Вот это дело, – повеселел Леха. – Помирать, так с музыкой.

Но опасения Лехи не подтвердились. Едва оказавшись на рынке, занимавшем большую прямоугольную площадку, обнесенную невысокой стеной, за которой виднелись дома богатых горожан, охранники сразу же запихали пленных в ка-

кой-то сарай, где они и провели весь долгий день, наблюдая за торжищем через широкие щели между досками. У входа стояло шестеро воинов при полном параде, с мечами и копьями, так что разговор про побег как-то сам собой затих. Морпехам снова приходилось ждать удобного случая.

Леха уткнулся лбом в деревянную стенку и загрустил. А потом даже, несмотря на шум, задремал от безысходности. Правда, ненадолго. Федору же было интересно, как устроена местная жизнь. Задержится он здесь или нет – дело случая, но обстановку требовалось изучить.

Частично видимый через щелястую стенку узилища рынок оказался поделен на огороженные зоны «по интересам» и являл собой небольшой городок с различными низкими строениями, тесно прижатыми друг к другу. Шум стоял невообразимый. В одном месте продавали фрукты, в другом мясо, в третьем стоял низкий каменный домик, исторгавший дым – скорее всего, местная кузня. Из нее то ли дело с довольным видом выходили скифы-воины. Кто нес в руках новый кинжал в богато отделанных ножнах, кто крепкий лук и охапку стрел, кто боевой топорик с инкрустированной ручкой.

Рядом с кузней находился большой загон, где торговали отличными жеребцами. Но он быстро опустел – кони оказались чрезвычайно ходовым товаром. Оно и понятно. Ведь скиф без коня и лука – не скиф, поэтому такие предложения принимались здесь просто на ура. За лошадиным отстойни-

ком Федор из-за спин охранников рассмотрел загон с овцами.

Вообще-то, поле зрения весьма ограничивало возможности сержанта, и ему приходилось, поминутно выворачивая шею и напрягаясь всем телом, кое-как перемещаться вдоль импровизированной амбразуры. Особенно мешали стянутые за спиной руки и совсем уже онемевшие голени.

В другой стороне торговали кожами и обувкой. Судя по тому, что смог за день увидеть Федор, здесь попадалось немало «офисов» гончаров, каменотесов, строителей, кожевников и литейщиков.

Много продавалось на рынке посуды, правда, в основном деревянной. Случалась и керамика. А однажды мимо сарая два крепких парня протащили здоровенный бронзовый котел почти метровой высоты. К котлу была приделана длинная ножка и две вертикальных ручки. Каким образом его собирались ставить, Федор не понял, но штука поражала массивностью. Вполне сгодилась бы, чтобы накормить целый взвод морских пехотинцев. А то и два.

Поскольку народу здесь толпилось множество, то смог Федор оценить и местную моду. Мужики-воины в основной массе носили кожаные безрукавки-панцири, из-под которых виднелись рукава мягкой рубахи. Штаны охватывали ноги по щиколотки и заканчивались как раз над кожаными мягкими полусапожками без каблуков, обтянутыми у той же щиколотки ремешками. Ну, а местные прелестницы, во всяком

случае, те, что ходили на рынок сами, носили длинные сборчатые платья. Головы они покрывали мягкими шалями, ниспадавшими до поясницы. Хорошо хоть личико не прятали – Федору все ж какое-то развлечение в душном сарае.

В обед им дали-таки испить теплой воды, а вот покормить не покормили. Леха бурчал, но пока про побег не вспоминал. Несколько раз на глаза любопытному сержанту попадался Акир. Видимо, он весь день бродил по рынку Неаполя и торговался. Изображал знатока. Судя по недовольным выражениям лиц скифских торговцев – душился за каждую копейку. Солдаты, ходившие за ним словно тени, постоянно стаскивали на повозки к сараю, где содержали пленных, какие-то тюки и амфоры. Что в них было, Федор, естественно, разглядеть не мог, но заметил, как во время очередной выгрузки покупок один из сопровождающих слегка наклонил изящную емкость, и на подставленный палец толмача протекло несколько капель мутной вязкой жидкости. На вид, не то воска, не то загустевшего меда.

Когда жар стал нестерпимым, торг как-то сам собою стих. Большинство людей разошлось, и купцы закрыли свои лавки. Лишь некоторые, самые деятельные, продолжали зазывать покупателей. Акир, видно, сторговал все, что было велено, и получил за это хорошую цену. Это отчетливо проступало на его лоснящемся самодовольном лице, когда он, отперев сарай, возник на пороге. Пришло время заполнять его товарами, поэтому занимавших полезный объем морпе-

хов оттуда извлекли и погнали в город.

Эту ночь друзья коротали в каком-то хлеву, на задворках дома богатого горожанина, куда их привели под вечер. Обстановка была не ахти, но все же отдыхали они в более комфортных условиях, чем вчера. На этот раз пленникам даже ненадолго развязали руки и дали поесть самостоятельно под присмотром шестерых охранников с мечами, буравивших их уважительными взглядами. Местные бойцы явно оценили друзей по достоинству.

Ужин состоял из бобовой похлебки и какой-то солонины. Не бог весть что, но все же лучше, чем ничего или раскаленный суп в глотку. Поглощая калории, Федор привычно осматривался. В двух шагах от них, за загородкой, размещались кони и еще какая-то живность. По дороге сюда он заметил даже дверь вниз. А при такой каменистой почве, что служила основанием Неаполю, это могло означать только одно. Под домом богатого скифского вождя имелся еще и вырубленный в скале подвал. И там, наверняка, хранились вино, мясо, сладости и прочие атрибуты сытой жизни, о которых пленным морпехам приходилось пока только мечтать.

Магон, гостивший в самом доме, выстроенном на греческий манер, с колоннами, портиками и внутренним двориком, как раз наслаждался всеми этими благами. И, видимо, по той же причине сегодня с ними не разговаривал. Были у него более важные дела.

– Ты, как знаешь, сержант, – сообщил Леха, доев похлеб-

ку, — а мне надоело. Если к утру жизнь не проясниться, то завтра я сбегу.

— Согласен, — кивнул Федор. — Утро вечера мудренее.

С тем и отошли ко сну, дав связать себе запястья сыромятными ремнями и повалившись на обычную дерюгу, устилавшую пол в хлеву. Хорошо хоть на этот раз руки не завели за спину, что обеспечило определенный комфорт.

Но ситуация прояснилась гораздо быстрее, рассвета ждать не пришлось. Полночи до них доносились пьяные крики и песни из хозяйского дома, где по случаю прибытия Магона или по другому, неизвестному друзьям поводу долго царило веселье. Однако, посреди веселья, сбивавшего и без того неровный сон измученных друзей, дверь в хлев со скрипом отворилась. На пороге возник тот самый скифский вождь с факелом в руке в сопровождении Магона и его охранников.

Они приблизились. Магон что-то предложил вождю, указав на пленников. Тот, наклонившись, подался вперед и некоторое время рассматривал недовольные физиономии морпехов, словно хотел заглянуть к ним в душу. А потом вдруг протянул руку и крепкими пальцами взял Федора за подбородок, словно хотел открыть ему рот и посмотреть зубы. Федора аж передернуло. Его еще в жизни так, как скотину, никто не рассматривал. Сержант мотнул головой и пнул скифского вождя ногой в живот. Тот, не ожидавший от узника такой прыти, упал на спину, выронив факел. Но быстро вскочил, зарычал, выхватив висевший на поясе кинжал,

и бросился на распластанного на полу Федора.

Тут бы сержанту и конец пришел, если бы не Магон. Купец вдруг встал между невольниками и вождем, что-то тихо, но твердо сказал ему. Вождь замер на полпути, потом медленно распрямился, отрицательно мотнув головой. Засунул кинжал в ножны и быстро вышел, не обращая внимания на занимавшийся в углу пожар.

Охранники Магона, между тем, быстро потушили упавший факел. А сам купец недобро посмотрел на пленников, особенно на Федора, и тоже вышел, не проронив ни слова.

– Сделка не состоялась, – выдохнул Федор, когда вся компания покинула загон для скотины.

– Теперь точно повесят, – решил Леха. – Или с собой в Африку увезут. А я к неграм в рабы не хочу. Завтра же бегу.

Рано утром небольшой караван отправился в обратный путь. Правда, был он на этот раз ровно в два раза длиннее за счет присоединившихся конных скифов. Отряд примерно из тридцати человек во главе все с тем же знакомым вождем, даже не смотревшим на пленников, поблескивая чешуей доспехов, вместе с ними на рассвете покинул город.

Скифский вождь, как ни в чем не бывало, ехал рядом с Магоном, в этот раз находившимся не во главе колонны, а в середине, рядом с новой повозкой, в которой сидели шесть красивых женщин. Одеты они были не так, как красотки с рынка, но и не так, как Магон. Чайка решил, что это подарок скифского вождя, невольницы, являющиеся его военной

добычей. Судя по всему, Магон вчера хотел отблагодарить скифа за такой презент, ответно одарив его двумя новыми рабами, но... не вышло.

В авангарде отряда гарцевал десяток скифов в полном вооружении. Позади повозки с красавицами и двух господ ехали пять карфагенских военачальников на конях и дюжина пехотинцев из отряда Магона, а за пехотинцами тащились Леха с Федором под присмотром охранников и Акира. Следом скрипели повозки с товарами, а за ними – снова пехота и оставшиеся скифы. В общем, толпа набралась приличная.

Леха переживал, что их опять закинут на круп лошади, но им повезло. Расторопный Акир приобрел так много товара, что все повозки, даже с палатками, были забиты им до отказа. Пестрая поклажа карфагенян напоминала теперь обоз батьки Махно после удачного налета на поезд. Даже единственную «свободную» лошадь из-под пленников тоже отдали под перевозку тюков. А морпехам, так и не побывавшим в шкуре живых подарков, предстояло идти пешком, чему они оба тихо радовались. Пока не в рабстве, и то ладно. А дорога до порта длинная, что-нибудь да придумают.

– Девчонки ничего, – заметил Леха, долго пытавшийся рассмотреть изящных красоток поверх шлемов охраны. – Интересно, откуда родом?

– Да местные, наверное, – прикинул Федор. – Или гречанки.

– Наверно, гречанки, – почему-то решил Леха.

Федор спорить не стал. Гречанки или нет, какая на фиг разница. Думать сейчас следовало о другом. Он внимательно вглядывался в окрестности, ища возможность для маневра. Вдоль каменистой дороги слева возвышался холм, поросший колючим южным лесом. А справа – кустарник, постепенно редющий и растворяющийся в полях. С этой стороны они несколько раз углядывали такие уже знакомые стойбища.

Солнце палило нещадно. Скоро опять захотелось пить. Где-то к обеду отряд, ехавший без остановок, но и не слишком быстро, ориентируясь на пехотинцев, оказался у подножия довольно высокого холма. Природное возвышение утопало в «зеленке». Дорога огибала холм, и караван ненадолго растянулся вокруг него так, что передние всадники перестали видеть задних. Здесь-то все и случилось.

Сначала Федор с Лехой даже не поняли, что произошло. Раздался еле слышный свист, и несколько скифов из авангарда рухнуло с коней, а потом попадали и остальные. Стрелы поразили кого в спину, кого в шею. За несколько секунд нападения весь авангард был уничтожен, скошен, как трава. А из леса выметнулся целый отряд, человек двадцать, судя по одеждам, таких же скифов, и устремился к повозке с женщинами.

Заметив атаку, местный вождь издал боевой клич, призывая своих оставшихся бойцов, но карфагенские пехотинцы, обогнав пленников, уже выстроились вдоль повозки, намереваясь отразить конную атаку неизвестного отряда. Воен-

чальники тоже выехали на конях чуть вперед, прикрыв собой Магона. Но в этот момент сбоку их атаковал еще один отряд. Стрелы накрыли остановившийся караван на всем протяжении. А когда небо очистилось, то спрятавшийся за телегой Федор увидел, что половина пехотинцев лежит в пыли, так и не вступив в рукопашную схватку с врагом. Рухнули под копыта своим коням и двое карфагенских капитанов. Магон с вождем дружественных скифов были еще живы, но дело начало пахнуть жареным. В конце колонны пехотинцы тоже не досчитались многих, даже не успев обнажить мечи.

Скифский вождь, натянув поводья, усккал к своим и, соединившись с ними, контратаковал второй отряд нападавших. Обменявшись на ходу выстрелами из луков, две орды кочевников схлестнулись на мечах.

Ошеломленные внезапной атакой остатки карфагенской пехоты, справились с шоком и, сомкнув щиты, рванули вдоль повозок в сторону Магона, рядом с которым оставалась лишь небольшая горстка людей. На них вот-вот должна была обрушиться атака всадников неизвестного противника. Магон тоже выхватил меч и нетерпеливо щелкнул пальцами, собирая вокруг себя воинов. Этого нападения явно никто не ожидал. И, скорее всего, как думалось Федору, причиной послужили те самые женщины, что застыли в невольничьей повозке. Леха нетерпеливо топтался рядом, пригнувшись и озираясь по сторонам. Акир вообще забился под по-

возку и не показывал носа. Чуть поодаль валялись двое мертвых охранников со стрелами в груди, двое других бросили пленников, поспешив на выручку к хозяину каравана.

– Ну что, брат, – крикнул Федор Лехе, – момент настал. Режь ремни и деру.

– А успеем утечь? – Леха, кажется, впервые в жизни сомневался, глядя на десятки рубившихся насмерть скифов, стремительно перемещавшихся по склону холма во всех направлениях.

– Еще минута и будет поздно, – Федор, пригнувшись, прыгнул из-за телеги к мертвому охраннику, упавшему на колени со стрелой в спине, по инерции воткнувшему меч в землю да так и застывшему в этой позе. Он до сих пор сжимал рукоять мертвой хваткой, привалившись к ней бедром. Сержант, скрючившись рядом, вытянул руки вперед и, закусив губу, принялся резать ремни о лезвие, озираясь по сторонам. Освободившись, потер запястья ладонями. И сказав «спасибо, браток», разжал пальцы мертвеца и подобрал оружие. Метнувшись к телеге, раскромсал ремни на запястьях Лехи, быстро подхватившего меч второго охранника. У обоих убитых солдат на поясе висело еще и по кинжалу. Их тоже конфисковали, мертвецам они без надобности.

Вооружившись, морпехи еще раз окинули взором поле боя. Но Леха смотрел на холм, а Федор на хвост колонны, где завершалась конная атака. Десяток скифов обрушился на восьмерых тяжеловооруженных пехотинцев, выстроивших-

ся в ряд. И тут произошло странное. Федор был уверен, что пехотинцам капут. Причем полный. Но они перехитрили нападавших и, рассыпавшись в последний момент, короткими отточенными ударами мечей по опрометчиво открытым бокам свалили половину пролетающих мимо скифов с коней. Правда, и сами пострадали. Трех карфагенян скифы зарубили. Остальные умудрились остаться в живых, отразив удары щитами.

Проскочивших первую линию обороны конников встретили карфагенские военачальники, трое против пятерых. Перед повозкой с женщинами, наблюдавшими за схваткой, завязалась сеча. Но скифы оказались проворнее, и в мгновение ока карфагеняне погибли, унеся с собой жизни еще троих врагов. Увидев, как гибнут его военачальники, Магон подхватил щит у одного из убитых и сам вступил в бой.

Уцелевшие после атаки пехотинцы, развернувшись, бросились на помощь. Но едва успели покончить с оставшимися противниками, как со стороны степи раздались новые крики. Из отдаленного густого кустарника на рысях вылетел и устремился к месту боя третий отряд. С первого взгляда в нем насчитывалось около двадцати бойцов, не больше, но оставшимся вполне должно было хватить.

– Черт побери, – ругнулся Леха, – они нас отрезали от степи. Может, рванем на холм?

Но, обернувшись, друзья заметили, что с другой стороны к обозу уже скачет разъяренный местный вождь с остатками

своих бойцов. Он уничтожил вторых нападавших и спешил на выручку Магону.

– И здесь не успеем, – крикнул Федор, лихорадочно сообщая, что делать. – Они нас сами пристрелят.

Скифы на ходу натягивали луки и пускали стрелы навесом навстречу приближавшемуся из степи отряду. Но и те оказались не менее резвы. Новый рой стрел накрыл сначала сгрудившихся вокруг Магона пехотинцев, защищавшихся щитами. Стрелы забарабанили по ним словно дождь. И двое упали пораженные, несмотря на плотную оборону. Конь под Магоном тоже пал. А когда между противником и повозкой, где сгрудилось пятеро карфагенян, одним из которых был Магон, оставалось не больше тридцати метров, взмахнули мечами, издав дикий боевой клич.

И тут что-то переключилось в голове у обоих морпехов.

– Бежать поздно, – решил Федор. – Придется помочь, иначе нас просто убьют без долгих разговоров.

– Понял сержант, – обреченно кивнул Леха.

И, обменявшись короткими взглядами, они подхватили овальные щиты охранников с большими металлическими набалдашниками посередине и бросились к остаткам защитников каравана, сжав покрепче мечи.

Тем временем нападавшие успели достичь шеренги пехотинцев, стремясь сбить их с ног и затоптать копытами боевых коней. Им это почти удалось. Хотя троих вырвавшихся вперед скифов пехотинцы взяли прежним ударом в бок

снизу, но налетевшие следом конники просто изрубili еще уцелевших. Стоявший рядом с Магоном военачальник метнул дротик в ближайшего врага, поразив его в грудь, и схватился с другим на мечах, прикрывая голову щитом от ударов сверху. Конь под ним был давно убит — из его бока торчал целый пучок стрел. Оставшиеся трое всадников приближались к Магону, видя перед собой легкую добычу.

И тут подоспели морпехи. Вскочив на повозку с женщинами, издавшими первый вопль за время боя, они одновременно метнули в приближавшихся всадников оба меча — продемонстрировать безнадежное фехтование никто из них и не собирался. Убить удалось только одного, второй оказался лишь ранен в плечо, да и то вскользь — успел прикрыться щитом. Метать мечи оказалось тяжелее, чем ножи или даже топоры. Непривычно как-то было. Не с руки.

Убитый скиф рухнул наземь, а конь помчался мимо повозки. И Леха тут же запрыгнул на него, словно заправский кавалерист, успев даже подхватить с земли меч убитого. Раненый всадник взял немного в сторону от схватки, натягивая тетиву. А третий обрушился на Магона. Двумя четкими ударами он выбил щит у купца и лишил его оружия. Отступая, Магон упал на спину, споткнувшись о тело зарубленного пехотинца, и уже приготовился умереть, когда Федор резким движением вскинул руку. Скифский всадник выронил меч, харкнув кровью. А потом завалился набок. Из его зарубленной глотки торчал кинжал.

Сжав покрепче захваты щита, морпех спрыгнул на землю, оказавшись в двух шагах от изумленного Магона, который смотрел на него со смесью благодарности и недоверия, когда до него долетел окрик друга.

– Федор! – гаркнул Леха откуда-то сбоку.

И он, повинувшись скорее чутью, чем глазам, вскинул висевший на руке щит, в который с хрустом впился острый накопечник. Потом второй. Потом третий. Возникло ощущение, что скиф палит из пулемета, выпуская стрелы одну за другой точно в цель.

Затем он услышал еще один близкий вопль, и атака прервалась. Леха настиг раненого всадника и, изловчившись, сумел его зарубить. А когда сам прискакал к повозке и осадил коня рядом с ней, то из его щита тоже торчало две стрелы, а из крупа прихрамывавшего коня целых пять.

– Спасибо, брат, – благодарно бросил Федор. Подхватив валявшийся на земле короткий меч одного из убитых, сержант обрубил им древка стрел, торчавших из щита, и быстро оглядел поле боя.

Магон осторожно поднялся, не зная чего ожидать от недавних пленников, находившихся почти рядом, свободных и вооруженных, но казалось, не обращавших сейчас на него особого внимания. Он немного успокоился, когда к нему приблизился единственный выживший военачальник, все же умудрившийся завалить и заколоть конного скифа. Он оказался и сам ранен, из рассеченного на плече доспе-

ха сочилась кровь, но стоял, сжимая в руках окровавленный меч.

В этот момент раздались звуки схватки конных скифов, снова приблизившихся к ним. Со своего места Федор смог разглядеть, что у местного вождя осталось не больше семи человек, но его противник был почти побежден. Сам вождь дружественной орды рубился с последним воином. И вскоре поразил его в шею, в тот самый момент, когда вихрь схватки донес их до самой повозки, где сгрудились все выжившие карфагеняне.

Изможденный схваткой вождь едва успел распрямиться и опустить щит, как рядом, словно из ниоткуда, возник еще один конник и взмахнул мечом, стремясь поразить его в голову. Но к удивлению застигнутого врасплох вождя упал, не завершив свой удар. Присмотревшись, глава сопровождавших караван скифов обнаружил торчавший из горла врага кинжал. Леха успел метнуть его на секунду раньше, чем клинок нападавшего нашел свою цель.

Битва закончилась. Семеро скифских воинов присоединились к своему вождю, который, бросив благодарный взгляд на Леху, подъехал к Магону и о чем-то с ним заговорил, как всегда жестикулируя и горячо убеждая. Скоро из дальнего конца обоза к ним приблизились еще трое уцелевших пехотинцев, принявших бой в арьергарде. Все держали в руках оружие, но истекали кровью от ран. У одного из бедра торчала сломанная стрела. Показался и Акир, всю схват-

ку пролежавший под повозкой с товарами.

И Федор, державший в одной руке меч, а в другой щит, и Леха, сидевший на израненном коне, наблюдали за всем этим движением как-то отстраненно. Их вроде бы никто не держал, но они почему-то и не бежали. Понимали, наверное, что с охраной Магона они с трудом, но еще могли бы расправиться, а вот от семерых скифов им все равно не уйти. Тем более в степь. Стрела догонит. Они оба за время схватки вдруг осознали, что живут теперь не в родном двадцатом веке, а задолго до Рождества Христова. И в этом мире люди существуют совсем по другим законам.

Магон что-то шепнул Акиру, и тот осторожно приблизился у морпехам. Даже поклонился, прежде чем заговорил на ломаном наречии, отдаленно напоминающем язык русичей.

– Магон дарить тебе вольна, – неуверенно проблеял он, указав пальцем на Федора, и добавил нараспев, не уверенный, что Федор его понял. – Во-ла.

– А ты, – он посмотрел на возвышавшегося над ним Леху, так и не покидавшего седла с тех пор, как там оказался, – брать с собой великий Иллур.

– Слышал? – вполголоса обратился Леха к стоявшему внизу Федору. – Тебе воля, а меня «брать с собой». Это что же получается, сержант, нас с тобой хотят развести в разные стороны?

Он вдруг грозно посмотрел на Акира и почти выкрикнул:

– А меня ты спросил, толстожопый? Хочу я идти в рабы

к этому Иллуру?

Он даже схватился за меч. Акир отпрянул назад. В этот момент израненный конь под Лехой, и так уже качавшийся из стороны в сторону, попятился назад, а потом его передние ноги подкосились, и он рухнул на дорогу, испустив дух. К счастью, Леха успел спрыгнуть раньше.

– Я думаю, – проговорил Федор, посматривая в сторону подъехавших на крик скифов и на всякий случай, по знаку вождя со странным именем Иллур, окруживших друзей потной стеной конских тел, – что рабом тебя там не сделают. Скорее всего, будешь теперь кровным другом вождя племени. Ты ему, как ни крути, жизнь спас. А это, брат, по здешним меркам очень круто.

– Ну да, – осклабился Леха, отряхиваясь от дорожной пыли, – можно сказать, из грязи в князи.

– Можно и так, – кивнул Федор. – Но если тебя они еще примут, то меня никогда. Так что, если кто и станет у них рабом, так это твой сержант.

Они замолчали, как бы невзначай повернувшись спинами друг к другу, с оружием в руках. Конные скифы и оставшиеся карфагеняне молча наблюдали за ними, ожидая развязки.

– И что делать будем, сержант? – спросил Леха без всякого ерничества.

– Решай сам, – ответил Федор. – В этом мире я тебе уже не указ.

Глава шестая

Удачная сделка

Уже третий день подгоняемый попутным ветром караван рассекал воды Черного моря, хотя Федор уже привык называть его Скифским. К счастью ветер переменился быстро, пока они еще не покинули берег, а то пришлось бы ожидать у моря погоды неизвестно сколько. Ведь на торговых судах весел не полагалось, и они зависели целиком от направления ветра.

Все это время сержант изо всех сил старался отогнать навязчивые мысли о том, что остался один в этом мире. Но недавние впечатления были еще слишком сильны.

Вопреки ожиданиям Федора, караван не сразу ушел в море, а оставался на суше еще три дня, пока Акир и даже сам Магон занимались торговлей. Все это время они не сидели на кораблях под защитой солдат и метательных орудий, а находились на берегу, проводя время в переговорах и спорах с другими заморскими торговцами, наводнявшими порт. Хотя Магон делал это, как показалось сержанту, скорее ради удовольствия, чтобы не забывать прежние времена, когда ему самому приходилось вести все дела. Теперь же, разбогатев, он вполне мог перепоручить все своему приказчику, но сейчас почему-то не стал этого делать.

Несколько раз они вдвоем даже посещали ближние стой-

бища скифов, но уже под мощной охраной. Глядя на это, Федор сделал вывод, что торговля – особенно крупнооптовая – занятие опасное. Но Магон, видимо, к этому привык и на следующее утро после нападения вражеского племени вел себя так, будто бы ничего особенного не произошло.

С того дня Иллур больше не появлялся, и Леху, ушедшего с ним, сержант тоже ни разу не видел. Но почему-то был уверен, что у него все сложится нормально. Не такой человек Леха, чтобы пропасть среди варваров. Если сразу не убьют, то большим человеком станет. Дел тут для его активной натуры хватит.

По прибытии в порт, после наполненной впечатлениями поездки в столицу скифов, Магон еще раз поблагодарил Федора, как смог, в первую очередь через переводчика, и даже подарил ему золотую цепь с какой-то скифской птицей, похожей на сокола, только когти, уши и клюв у нее были почему-то огромных размеров. Спросил, что тот теперь намерен делать и почему-то не очень удивился, когда Федор попросил взять его с собой за моря. Сержант в глубине души надеялся попасть в Рим, великий город, но признаваться в этом карфагенянам на всякий случай не стал. Путь, как сообщил ему Акир, предстоял не близкий, много дней «длинным морем», на самый край обжитого мира. И если Федора это не пугает, то вопрос решен. Тем более, намекнул Акир, хозяин и сам хотел поговорить о чем-то с диким варваром, но сейчас у него много дел.

Ему отвели под жилье новый кубрик на четвертой палубе флагманской квинкеремы, под самой кормой. Кубрик оказался лишь немногим просторнее старого, где их с Лехой держали в плену, но зато с настоящей лежанкой и грубо сколоченным столом. От внешнего мира помещение отделяла сплошная стена из плотно пригнанных, гладко оструганных досок. Никакого окошка, а уж тем более иллюминатора в нем, конечно, не предусматривалось. Не доросли местные корабелы до подобных излишеств. Но Леха не роптал. Он ведь вообще бывший военнопленный, могли и к гребцам подселить. Так что по местным меркам он стал обладателем отдельной каюты. А их на квинкереме мало кто имел. Все были распределены в соответствии с заслугами. И Федор подозревал, что ему досталась временно опустевшее жилье одного из убитых капитанов.

Как он узнал позже, убитых в бою военачальников заменили их помощники. Так что в целом эскадра оставалась боеспособной. Продав кочевникам за хорошую цену тирский пурпур, слоновую кость и стекло, а взамен загрузив трюмы скифским зерном, металлом, кожами и прочими ходовыми на востоке товарами, Магон счел свою поездку удачной и отдал приказ отправляться в обратный путь. На рассвете караван вышел в море при попутном ветре, взяв курс на юг.

Тельняшка и штаны на Федоре за последние дни изорвались в хлам, так что стало неприлично появляться даже сре-

ди кочевников, не говоря уже о комсоставе каравана. Это заметил не он один. И поскольку статус бывшего пленника изменился, то вскоре Акир принес ему кое-какую одежду и обувь, имевшуюся в распоряжении купца.

Когда толмач ушел, Федор с большим сожалением стянул с себя истлевшую тельняшку и рваные штаны. Скинул ботинки, подошвы которых уже почти оторвались. Оставшись в исподнем, надел поверх него серые штаны и просторную тунику, а сверху длинную красную жилетку без рукавов, сразу став похожим на вольноотпущенного цыгана или циркового артиста. Сходство дополняла подаренная Магоном золотая цепь со скифской птицей, которую сержант нацепил поверх одежды, словно орден.

Сам купец и его приближенные, как отметил про себя Федор, вообще часто обходились без штанов, расхаживая по палубам в длинных туниках-балахонах. Благо погода позволяла.

Нагнувшись, Чайка завязал на ногах ремни кожаных сандалий. Обувка из мягкой кожи оказалась вполне приличной. Пришлась по ноге, держалась хорошо, и ходить в ней было удобно. Подошва толщиной в два пальца показалась Федору высоковатой, но зато и ступалось мягко. Особенно по палубам, где засадить себе занозу не составляло труда. Кругом ведь одно дерево. Круглую шапку из грубой материи с синеватым отливом Федор надевать не стал. Солнечного удара он не боялся, а местные приличия еще не изучил. Решил так

походить, до тех пор, пока не сообразит, что может оскорбить кого-нибудь своим видом. Он и в прошлой жизни шапки носил только зимой, да и то, чтобы уши не отморозить.

Кормить его тоже стали лучше. Все дни, что он провел в порту, наблюдая с борта квинкеремы за торговлей или просто ошиваясь на берегу, благо за ним теперь никто не ходил по пятам, местный кок, а такой здесь тоже имелся, потчевал команду разнообразной рыбой и бобами. Реже запеченным мясом. Часто в меню появлялась памятная похлебка. Один раз повар приготовил на обед что-то напоминавшее на вид гороховую кашу. Что это за плоды, на вкус Федор так и не определил. Но было съедобно. Все пережевал и тарелку вылизал. Запил красным вином – теперь ему тоже давали – и успокоился.

Ел Федор у себя в кубрике, а не за одним столом с гребцами или морпехами. Это ему тоже дозволили, как привилегию. Несмотря на слова Акира насчет желания поговорить, Магон его к себе за стол пока не приглашал – почти все время хозяина каравана уходило на занятия торговлей. А потому пищу он принимал либо в шатре на берегу, либо у себя в каюте. Но Федор не обижался, развлекал себя, как мог, до отхода каравана. Болтался по кораблю, осматривал метательные машины, оснастку парусов и палубы, куда пускали. Хотя и не всем солдатам это нравилось. Пару раз даже наткнулся на желающих дать ему в глаз за побитых с Лехой товарищей – хотя и подрались они на другом корабле, но ведь среди

своих информация расходуется быстро, никаких мобильных телефонов не надо.

Федор конфликта избежал, хотя на ус намотал. Путь предстоял далекий, мало ли что ему могли устроить древние морпехи на какой-нибудь нижней палубе. И все же он надеялся, что Магон не даст ему помереть раньше времени, если он сам не будет провоцировать ситуацию.

Куда дели привезенных с собой женщин, Федор тоже не знал. Хотя этот вопрос его периодически беспокоил. Гречанки все же или нет? И что это их так яростно старались отбить? Может жены какого-нибудь местного вождя, что не дружит с Иллуром и не признает совет скифов? Любопытный морпех предполагал, что их заперли в отдельном помещении, куда всем, кроме самого хозяина, вход был строго воспрещен. Видел Федор одну подозрительную дверь на корме, у которой стояли охранники при оружии. Он как раз спускался по лестнице, изучая корабль, а из-за этой двери вдруг раздались какие-то завывания. Но, перехватив предостерегающий взгляд охранника, Федор решил справок не наводить. В конце концов, чужие женщины – дело темное. Да и языком он еще не владел, чтобы вопросы задавать.

Когда, наконец, вышли в море, ситуация изменилась. Закончив с делами на суше, купец, обитавший на этом же корабле, нашел время, чтобы пообщаться со своим спасителем. Правда, только на третий день плавания. Весь первый и второй день Федор Чайка провел в разговорах с Акиром, кото-

рый снова превратился из приказчика в переводчика. Международная торговля, как ни крути, требует знания языков во все времена. Теперь сержант болтался по палубам не один а с личным гидом, который, не обращая внимания на моряков, следивших за парусами, солдат и бездельничавших на своих лавках гребцов, тыкал во все предметы пальцем, объясняя, как они называются. А потом допытывался у Федора, как эти предметы называются на его языке. Федор был не из самых тупых учеников, и такой метод активного погружения скоро принес свои плоды. К вечеру второго дня Федор и Акир уже могли вполне сносно объясняться понятиями, при необходимости дополняя их жестами.

Стоя у ограждения и поглядывая на море, Федор первым делом порасспросил толмача, кто они такие, и убедился, что не ошибся в своих наблюдениях. Сержант морской пехоты действительно находился на корабле карфагенян, приплывших по торговым делам в этот отдаленный уголок. А сам Магон оказался важной птицей. Как путано объяснил Акир, его хозяин являлся в столичном Карфагене, не просто богатым купцом, а «очень большим человеком» – Федор понял, что не ниже сенатора – который при этом еще и занимался торговлей, что почиталось в Карт-Хадаше⁷ очень уважаемым делом.

Но торговлей и государственной деятельностью занятия мудрого сенатора не исчерпывались. Ко всему прочему, Ма-

⁷ Карт-Хадаш – изначальное название Карфагена (дословно – Новый город).

гон частично имел еще и военную власть. Точнее, сенат возлагал на него обязанности вербовать новых солдат в войско Карфагена, где, как припоминал Федор, служили преимущественно наемники. А их Карфаген вербовал как в самой Африке, так и везде, куда только могли доплыть его корабли. По долгу службы Акир часто путешествовал вместе с хозяином по различным уголкам Обитаемого моря⁸, от Мелькартовых столбов до этих диких берегов, и присутствовал при вербовке солдат всех видов: от мечников до пращников.

Он даже намекнул Федору, хитро прищурившись, что его стране всегда нужны хорошие воины, а такой достойный воин, как Чайкаа (Акир почему-то произнес его фамилию на свой манер, протяжно, с ударением на последний слог), может сделать карьеру в армии Карфагена, постоянно расширяющем свои владения. Акир даже развел в стороны свои короткие пухлые руки, чтобы показать, как растут владения Карфагена, но при этом Федор заметил лукавство в глазах новоявленного вербовщика.

– С армией подождем, – ответил он. – Я только что оттуда. Отдохнуть хочу.

На счет желания посетить Рим, раз уж выпала такая возможность, сержант пока промолчал. Память подсказывала, что у Рима и Карфагена сейчас должны складываться не очень добрососедские отношения.

⁸ Обитаемое море – так тогда называли бассейны Средиземного и Черного морей.

– А где служил сильный Федор Чайкаа? – тут же поинтересовался Акир, услышав, что его собеседник совсем недавно покинул ряды вооруженных сил.

– Там, – махнул рукой Федор, не желая вдаваться в детали своей срочной службы. – У северных варваров, говорящих почти как я.

– А кем? – не унимался дотошный торговец.

– Да вроде них, – указал Федор на трех морских пехотинцев, стоявших неподалеку, держась за ограждения и обзревая морские просторы. Во время похода они тоже вынужденно бездельничали, разве что лишь изредка занимались приведением оружия в надлежащее состояние.

– У нас такая служба почетна, – сообщил Акир, уразумев, о ком говорил его новый знакомый. – Но во флот берут не всех, а только граждан.

Федор задумался. Интересно, тянет ли его подвиг не просто на свободу, а еще и на карфагенское гражданство? Ему показалось, что тянет. Долгое время общаясь с Лехой, Федор постепенно понабрался от него наглости. Как никак не простого купца спас, а целого сенатора. Да еще вхожего в военную олигархию. А флот и армия в этом древнем мире означали даже больше, чем в его родном, привычном. У римлян, как вспомнилось Федору, если ты не был гражданином и не служил в армии, то и сенатором тебе не бывать никогда, будь ты хоть трижды миллионером. Так, во всяком случае, обстояло при Республике.

По всему выходило, что рано или поздно ему придется опять податься на службу. Ведь гончаром или ювелиром в этом мире ему стать совсем не улыбалось. Хотя, если подучиться, нет ничего невозможного. Задумавшись о будущем, Федор вспомнил и про свои навыки медбрата, которые могли здесь пригодиться на каждом шагу. Но в каком состоянии здесь находилась врачебная практика, и много ли за нее платили, еще только предстояло узнать. Лишь одно не вызывало сомнений – в этом беспокойном мире люди мирных профессий всегда были вынуждены периодически браться за оружие. Впрочем, Федор с некоторым смущением признался себе, что об этом мире он еще почти ничего не знает. Может, и не так все происходило на самом деле, как ему доводилось читать в исторических книжках.

Там, например, писали, что древние триеры и квинкере-мы никогда не удалялись от берегов, предпринимая только каботажные плавания. Ночевали же экипажи всегда на берегу, по возможности даже вытаскивая на него свои корабли. А караван карфагенян шел себе спокойно по открытому морю уже третьи сутки. Приближалась очередная ночь, но никаких берегов не намечалось и в помине, сколько не вглядывался Федор в ясный горизонт. Все говорило о том, что эту ночь они тоже проведут в открытом море. И это было только первым открытием.

Прошлой ночью сержант вышел на палубу и заметил там шкипера, который взирал на звезды, делая пометки на таб-

личке, которую держал в руках. Если Магон доверял ему вести караван из шести судов, то местный шкипер, похоже, до сих пор неплохо управлялся без новомодных примочек из двадцать первого века. Без радиосвязи и даже компаса, используя лишь возможности ветра и мускульной силы гребцов, зная местные течения, а при необходимости сверяя путь по звездам.

Федор не спрашивал Акира, куда они идут, но путь в Африку по морю здесь предполагался один, через знакомые даже Федору проливы, первым из которых должен показаться Боспор, как его здесь называли греки, давно обжившие его берега. А за ним и теплая Пропонтида⁹.

Магон, видно, торопился быстрее вернуться домой. Хотя, наблюдая за скоростью передвижения каравана, Федор пришел к выводу, что движутся они со скоростью примерно трех-четырёх узлов. И, если дальше все пойдет так же, они должны достигнуть Боспора к исходу четвертых суток, то есть завтра вечером.

Но еще сегодня Магон, наконец-то, пригласил бывшего пленника на трапезу в свою каюту. Время случилось как раз почти обеденное – не имея часов, Федор, тем не менее, в этом не сомневался, поскольку ориентировался не по солнцу, а по сигналам, поступавшим из желудка – и потому бывший морпех принял предложение с удовольствием.

За столом они сидели втроем, поскольку без Акира разго-

⁹ Пропонтида – Мраморное море.

вор бы все равно не получился. Сенатор не владел родным наречием Федора, а сержант еще не настолько освоил финикийский, чтобы свободно беседовать на нем с представителем местной власти.

Каюта сенатора располагалась тоже на корме квинкеремы, под верхней палубой, имела узкие окна, но занимала пространства всего лишь втрое больше кубрика, доставшегося Федору, и делилась на две комнаты перегородкой. Несмотря на свои приличные для античного мира размеры, корабль был все же плохо приспособлен к дальним плаваниям, на взгляд Федора, видевшего в своей прошлой жизни огромные круизные лайнеры. По сравнению с квинкеремой они представляли собой настоящие корабли-монстры. А здесь не хватало места даже под бытовые нужды. О чем говорить, если в каюте сенатора умещался только массивный стол, несколько резных кресел вокруг него да две полукруглые тумбы, не считая пары статуй, служивших украшениями. А из-под расписного полога, перекрывавшего вход во вторую комнату, виднелась кровать средних размеров.

Впрочем, Федор всегда был уверен, что ради прибыли, купцы способны на многое. В том числе и на безграничную терпеливость по отношению к временным неудобствам. Болтливый Акир успел рассказать ему, что в Карфагене у хозяина есть «большой дом», который занимает много земли. Не считая многочисленных загородных имений. Из чего сержант немедленно сделал вывод – Магон имел свой особняк

(если не дворец!) в столице и несколько загородных вилл. А как еще мог жить олигарх в купеческом государстве?

Утешало только то, что это все же был боевой корабль, предназначенный для ведения войны. А значит, здесь все жертвовалось в угоду боевой мощи. И основное пространство на борту отводилось под гребцов, метательные машины и сотню морских пехотинцев, от которых в абордажной схватке зависела победа. А если дело предстояло жаркое, или намечалась крупная десантная операция, то пехотинцев распихивали по всем щелям, почти удваивая имевшийся на борту отряд. Федор читал и об этом. В конце концов, не будь у Карфагена таких мощных кораблей, вести торговлю у далеких берегов, населенных недругами и просто пиратами, представлялось бы весьма затруднительным.

Все полы и даже стены в каюте Магона украшали живописные циновки и ковры, на которых Федор заметил разнообразные сельские мотивы: уборка урожая, финиковые пальмы, женщина с кувшином вина, дерущиеся львы. Акир указал ему на ближайшее кресло, сообщив, что он может сесть за стол, где уже находился сам сенатор. Магон, не дожидаясь гостя, уже с удовольствием расправлялся с зажаренной ножкой. Аромат свежеприготовленного мяса соблазнял настолько, что у проголодавшегося от постоянного пребывания на свежем воздухе морпеха, просто слюнки потекли.

Он сел, учтиво поклонившись сенатору. На столе, прямо перед ним, стояло несколько расписных глиняных блюд с

запеченным мясом, рыбой, покрытой золотистой корочкой, овощами и экзотическими фруктами, из которых он узнал только апельсин, а также низкий серебряный кувшин с вином и несколько изящных чаш. От качки посуда на столе слегка подрагивала и позвякивала.

Прислуживал сам Акир, состоявший при сенаторе ближайшим помощником на все руки. Федор видел вокруг сенатора и других слуг, которые вполне могли бы прислуживать за обедом, но никого из них сейчас рядом не было. И Федору показалось, что разговор пойдет не только о погоде.

Он не ошибся. Некоторое время в каюте висела тишина, гость и хозяин насыщались. Расправившись с ножкой и отхлебнув из чаши вина, Магон некоторое время внимательно изучал гостя, а затем сделал знак Акиру. Тот быстро достал из тумбы свиток и, отодвинув крайнее блюдо, разложил его прямо на столе. Свиток был испещрен надписями на незнакомом языке, но его основное предназначение не вызывало сомнений. Приглядевшись, Федор узнал в нем карту обитаемого моря. Причем, карту довольно точную. На ней оказались нанесены известные карфагенянам земли, включая Крым. С западной стороны свиток показывал край африканских земель, Испанию, земли галлов и острова бриттов. А вот дальше на севере, там, где должно простираться Балтийское море, почти ничего не прорисовывалось. Только датские проливы и, похоже, часть современной Федору Германии с большой рекой. Совсем не имелось дальней ча-

сти моря, где, спустя много сотен лет, должен был возникнуть Питер. Да и вверх от Крыма на карте виднелась масса пустых пятен. Северная акватория и земли славян лежали, вероятно, за пределами интересов карфагенян. Зато морпех с большим удивлением увидел почти правильно очерченные Африку, Индию и даже большой остров, напоминавший Австралию.

Магон что-то спросил, указав на карту.

– Ты понимать, что это? – перевел Акир.

– Понимать, – кивнул Федор. – Обычная карта.

Услышав это слово, оба карфагенянина переглянулись, словно Чайка сотворил какое-то заклинание. Удивленный их реакцией, сержант припомнил, что финикийцы были мореплавателями и корабелями больше тысячи лет. За это время они познакомились и повоевали с многими народами. Но в отличие от прочих, полученные знания они не забывали, а накапливали. И фиксировали, потому что у них уже существовала письменность. Современные Федору ученые утверждали, что именно финикийцы придумали тот алфавит, который стал основой многих языков¹⁰. Писали финикийцы, в

¹⁰ Финикийская письменность основана на использовании очень древнего прото-ханаанского алфавита. Благодаря его успешному финикийскому потомку протохангэнский стал предком почти всех алфавитов мира, находящихся сейчас в использовании, – от греческого, еврейского, латинского и берберского на западе до монгольского и тайваньского на востоке. Финикийская письменность – одна из первых зафиксированных в истории человечества систем фонетического письма. Появилась около XIII века до н. э. Использовала консонантный принцип. Текст записывался справа налево.

отличие от будущего населения Европы и Америки, справа налево. Но это сержанта не смущало. Хоть снизу вверх, какая разница, если тебя с детства так научили, и сможешь потом прочесть.

А кроме алфавита, считалось, что те же финикийцы придумали первые морские карты и множество других полезных технических изобретений, оставшихся в памяти потомков в виде конкретных образов. Насчет компаса Чайка, правда, уверенности не испытывал.

Магон снова что-то спросил, указав на карту. Видимо, Федор его интересовал, как источник информации. Умудренный опытом сенатор не зря занимал свой пост – не владея языком, он словно чуял, что его визави знает много такого, что даже ему неведомо.

– Где твой дом? – перевел Акир.

Федор решил не темнить и ткнул пальцем в пустое пространство неизведанных северных земель.

– Здесь.

Магон проследил за жестом своего гостя и с неподдельным интересом посмотрел на странного варвара, задав следующий вопрос.

– А как ты стать здесь? – озвучил его толмач, проведя пальцем от белого пятна до побережья Крыма.

– В армии служил, – просто ответил сержант, которому этот званый обед стал все больше напоминать допрос или деловой разговор, не способствующий повышению аппетита.

Поэтому, не дожидаясь нового вопроса, он с хрустом оторвал зубами кусок мяса и закинул в рот сразу горсть вычищенных оливок, запив все это большим глотком терпкого вина. На душе стало веселее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.